СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Подолинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

ИЗЪ КНИГЪ
ГРАФИНИ
АННЫ СЕРГѢЕВНЫ
ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

№ 588. шк. IV. п. 7

ПОВѢСТИ.

ПОВѢСТИ

и

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Подолинскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. СМИРДИНА, И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Одесса, Марта 28 дня 1836 года.

Цензоръ В. Пахманъ.

Всесоюз... БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
48597-45

Изданіе Кіевскаго книгопродавца С. И. Литова.

«Въ войнахъ у Дивовъ съ Пери, коль скоро первые брали въ плѣнъ послѣднихъ, то запирали ихъ въ желѣзныя клѣтки, которыя привѣшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги плѣнницъ посѣщали ихъ и приносили имъ лучшія благовонія.»

Ричардсонъ.

Этотъ восточный вымыслъ былъ главнымъ основаніемъ предлагаемой повѣсти.

Сочин.

ДИВЪ и ПЕРИ.

ДИВЪ И ПЕРИ.

I.

Изъ предѣловъ Сегестана
Къ дальнимъ рощамъ Хорасана
Пери легкая неслась. —
Тѣнь ложилась на равнины...
И безмолвны тѣ долины,
Гдѣ когда-то кровь лилась;
Гдѣ неслись Ордынцевъ клики;
Голосъ Керны завывалъ,
И на трупахъ тотъ Великій,
Тотъ ужасный пировалъ, —

Кто на Царства и народы
Съ шумомъ бури налеталъ,
И, какъ вихорь непогоды,
Разрушеніемъ дышалъ!

II.

Онъ промчался — и повсюду
Нивы кровью напоилъ;
Грады въ каменную груду,
Въ пепелъ храмы обратилъ!
Но свершилось! — Мечъ Некира —
Мечъ Судебъ неумолимъ:
Грянулъ онъ! — и въ лонѣ мира
Пепелъ грознаго хранимъ!...
Стихнулъ вихрь опустошенья;
Битвы смолкли: — и одинъ —
Мрачный духъ уединенья
Ходитъ въ сумракѣ долинъ. —
Онъ задумчивъ и печаленъ —
Часто зримъ во мглѣ ночной,

Надъ громадою развалинъ,
Озаряемыхъ луной.

III.

Тотъ предѣлъ перелетая,
Видитъ Пери: — чуть мелькая,
Между камней цвѣтъ ночной
Блещетъ радужной росой;
И склонясь подъ сѣнью древа, —
Какъ задумчивая дѣва —
Дремлетъ въ нѣгѣ, — и сквозь сонъ,
Ароматомъ дышитъ онъ.
И къ нему, благоуханьемъ
Съ высоты привлечена,
Мчится Пери, и дыханье
Пьетъ душистое она.

IV.

Но ужъ вечеръ потухаетъ;
На равнинахъ темнота;

Вотъ на небо выплываетъ
Мѣсяцъ, ночи красота;
Вотъ, какъ Аліевы очи,
Засіяли звѣзды ночи
Въ лонѣ сумрачныхъ небесъ:...
«Тамъ — надъ ними край чудесъ —
Пріунывъ, сказала Пери —
«Тамъ — но что жъ? — Къ Эдемской двери
«Подлетѣть не смѣю я.
«Входъ въ нее — не для меня!»
Смолкла.... Звѣздные узоры
Ей сіяютъ съ вышины,
И задумчивые взоры
Томно къ нимъ обращены.....

V.

Вотъ и поздно. — Пери снова
Понеслась, — и сей видна —
Одинока и темна —
Та священная дуброва,

Гдѣ надъ сѣнію вѣтвей
Храмы Гебровъ подымались;
Гдѣ народы собирались
Въ мглѣ торжественныхъ ночей.
Тамъ — дымились ихъ кадила;
Тамъ — свершались ихъ пиры
Въ честь полдневнаго свѣтила;
Рдѣли заревомъ костры;
Чаши нектаромъ кипѣли,
И до утра гимны пѣли —
Подъ навѣсами деревъ —
Хоры юношей и дѣвъ.

VI.

Дѣвы солнца! гдѣ вы нынѣ?
Вашъ священный огнь погасъ!
И въ таинственной пустынѣ
Прорицаній смолкнулъ гласъ!
Васъ ужъ нѣтъ!... Но тѣни ваши
Въ часъ, какъ изъ небесной чаши

Льется мракъ — межъ облаковъ,
Цѣпью легкою мелькаютъ;
И съ гармоніей міровъ
Гимнъ торжественный сливаютъ. —
И когда, ночной порой,
Сядетъ путникъ запоздалой,
Опершись рукой усталой
На обломокъ гробовой, —
Онъ услышитъ ваше пѣнье,
И какъ сладкое видѣнье,
Васъ увидитъ сквозь деревъ —
Въ свѣтломъ сонмѣ райскихъ дѣвъ.....

VII.

Но изъ пепла не возстанутъ
Храмы солнца на холмахъ!
И вѣка не перестанутъ
Попирать ихъ хладный прахъ!
Все прошло! — сѣдые своды
Рушилъ времени полетъ;

И порывомъ непогоды
Скоро слѣдъ ихъ замететъ. —
Такъ святыни Гебровъ пали! —
Но поникшія къ стопамъ,
Какъ завѣтныя скрыжали,
Святы позднимъ племенамъ...
И на мшистые обломки
Смотрятъ — мрачные душой,
Гебровъ грустные потомки
Съ умиленьемъ и тоской!...

VIII.

Длинный рядъ поникшихъ зданій
Видитъ Пери — и мрачна, —
Какъ предъ ней страна преданій, —
Снова мыслію она:
«Вотъ земное! прахъ ничтожный!
Нынѣ въ блескѣ: завтра гдѣ?
Дунетъ вѣтръ неосторожный, —
И, какъ тѣни на водѣ, —

Все исчезнетъ! — все! — Давно ли
Здѣсь, на солнцевомъ престолѣ,
На порфировыхъ столпахъ —
Розы пышныя блистали
И кругомъ благоухали
На разкинутыхъ коврахъ?
Гдѣ жъ онѣ? — Онѣ завяли
Въ дни торжествъ, какъ въ дни печали,
Вянутъ свѣжіе цвѣты:
Какъ въ рукахъ окостенѣлыхъ,
Какъ на персяхъ охладѣлыхъ
Въ гробѣ юной красоты. —

IX.

«Но пускай въ тѣни долины
Блекли розы: — имъ одну
Жить и радовать весну: —
Что же храмы? Исполины,
Возраставшіе въ вѣкахъ,
Коихъ гордыя вершины

Озарялись въ облакахъ, —
Чуть мелькалъ на небосклонѣ
Пламень утреннихъ огней,
И казались дня на склонѣ,
Будто въ огненной коронѣ,
Отражая блескъ лучей!
Мнилось — памятники славы —
Ихъ громады величавы
Устоятъ противъ вѣковъ:
Устоятъ — доколь не двинетъ
Тотъ вселенныя основъ,
Кто велитъ — и опрокинетъ
Сонмъ пылающихъ міровъ;
Кто съ высотъ — небесъ опоры —
Раздробитъ сѣдыя горы,
Хлынетъ моремъ на поля;
И по чьей единой власти
Не развалится на части
Полъистлѣвшая земля!

X.

«Но ужаснаго воззванья
Грозный день не наступалъ;
Голосъ Ангела молчалъ;
И какъ въ утро міроздання
На землѣ, на небесахъ,
Все, чѣмъ Вѣчно-неизмѣнной
Намъ украсилъ кругъ вселенной, —
Видимъ въ прежнихъ красотахъ:
Горы, холмы устояли,
Блещутъ воды, какъ блистали,
И цвѣты среди полей
Тѣ жъ: — а храмы солнца — пали! —
Въ прахъ созданія людей!
И еще чредой завѣтной
Дни за днями протекутъ;
Ихъ остатки непримѣтно
Мхомъ и плющемъ зарастутъ;
И о нихъ воспоминанье,

Какъ невѣрное преданье,
Родъ изъ рода сохранитъ;
И загадкой для потомковъ
Будетъ мѣсто — гдѣ лежитъ
Рядъ священныхъ ихъ обломковъ.»

XI.

Такъ въ мечты погружена,
Сострадательная Пери
Невозвратныя потери
Вспоминала; — и грустна
(Какъ Седжина стражъ унылой —
Чье перо изобразило
На нетлѣющихъ листахъ
Повѣсть слезъ и злодѣянья,
Казнь погрязнувшихъ въ грѣхахъ,
И молитвы покаянья),
Надъ развалиной она
Легкимъ призракомъ мелькала!
То во мракѣ утопала,

То луной озарена,
Въ новомъ блескѣ выплывала....
Вдругъ — прервалась тишина:
Вся дубрава зашумѣла,
Будто буря налетѣла,
Будто дождь въ листахъ шумѣлъ,
И со свистомъ вѣтръ летѣлъ.

XII.

Пери внемлетъ — и въ смущеньи,
Вѣщимъ сердцемъ узнаетъ
Дивовъ сумрачныхъ полетъ:
Гдѣ укрыться? Нѣтъ спасенья
Ни въ дубровѣ, ни въ тѣни!
Грозныхъ Дивовъ зорки очи!
И привычнѣй къ мраку ночи,
И быстрѣй летятъ они....
Вотъ ужъ близко, вотъ ужъ вѣетъ
Вѣтръ отъ ихъ шумящихъ крилъ...
Пуще Пери цепенѣетъ,

Пуще духъ ея упылъ:
Но очнулась: — развиваетъ
Крилы легкія — и вдругъ
Въ тѣнь деревъ перелѣтаетъ...
Тщетно все! уже вокругъ
Дивы быстрые стѣснились,
Зашумѣли, опустились,
И влекутъ между вѣтвей
Пери плѣнницы своей!
Такъ надъ горлицей пугливой
Часто коршунъ торопливо
Промелькнетъ — и на лету,
Мчитъ добычу въ высоту.

XIII.

Очарована отъ вѣка —
Есть громада дикихъ скалъ.
Взоръ и голосъ человѣка
Въ ихъ предѣлъ не проникалъ;
Ихъ безплодная вершина

Безобразна и мрачна,
И, какъ темя исполина,
Въ тучахъ кроется она. —
Но въ оградѣ ихъ кремнистой
Лугъ роскошный и душистой
Кинутъ мягкой пеленой;
Лучъ весны его лелѣетъ,
Зной не жжетъ и хладъ не вѣетъ:
Но вечернею порой
Тихій вѣтръ полудня дышитъ,
И едва, едва колышетъ
Вѣтви лавровъ и оливъ;
И, какъ радуги отливъ,
Изъ ущелистой громады
Съ шумомъ льются водопады. —
И кругомъ, между цвѣтовъ,
Будто искры золотыя,
Въ воздухъ вѣтромъ поднятыя,
Блещутъ крылья мотыльковъ.
Все въ лугу уединенномъ,

Мнится, нѣгой упоеннымъ —
И любовію: — но онъ
Не былъ нѣгѣ посвященъ.

XIV.

Дивы силой талисмана
Изъ сокровищъ Океана
Тамъ сложили дивный гротъ;
Въ немъ то перлы, то кораллы
То янтарные кристаллы,
Какъ въ чертогахъ духа водъ;
И отъ стѣнъ его сіянье,
И кругомъ благоуханье
Дышитъ съ ясной высоты;
Нѣгой чувства утомляетъ
И невольно пробуждаетъ
Сердцу сладкія мечты...
Но отъ вѣка наслажденьемъ
Гротъ сей не былъ оживленъ:
Дивовъ сильнымъ поколѣньемъ

Безотлучно охраненъ;
И рѣшеткою до свода
Крѣпко сомкнутый у входа,
Плѣнницъ ихъ скрываетъ онъ.

XV.

И какъ призракъ тотъ прелестной,
Какъ волшебный идеалъ,
Въ коемъ юноша создалъ
Образъ дѣвы неизвѣстной; —
Дѣвы той, о коей онъ
Въ ночь безсонную тоскуетъ;
Чьи красы въ мечтахъ рисуетъ,
Думой страстной распаленъ:
Такъ плѣнительная Пери
Въ гротѣ томъ заключена —
Чуть мелькаетъ, чуть видна
Сквозь рѣшетчатыя двери: —
И предъ ней, главу склонивъ,
Недвижимъ на камнѣ мшистомъ,

Стражъ ея, суровой Дивъ
Видѣнъ въ свѣтѣ серебристомъ
Потухающей луны. —
И на Дива съ вышины
Вѣтръ прохладный налетаетъ
И колебля пухъ крыла,
Онъ власы его взвѣваетъ
И клубитъ ихъ вкругъ чела.

XVI.

Но ужъ гаснетъ, померкая
Строй полуночныхъ свѣтилъ.
Ангелъ свѣта растворилъ
Дверь Эдема — и блистая
Пурпуръ дня межъ облаковъ,
Льется райскими лучами:
Какъ сіянье надъ главами
Неотверженныхъ Духовъ.
Разошлись ночныя тѣни,
Зарумянился потокъ;

И цвѣты и рощей сѣни
Обратились на Востокъ.
И роса изъ лона розы
Покатилась на листы,
И сіяетъ, будто слезы
На ланитахъ красоты. —
Но недвижный и угрюмой —
Дивъ объятъ мятежной думой...
И зарей освѣщена,
Пери все томна, блѣдна:
Какъ Аравіи холмистой
Цвѣтъ блестящій и душистой —
Если хладомъ поражёнъ, —
Блекнетъ вдругъ и вянетъ онъ.

XVII.

И на волю изъ темницы
Смотритъ плѣнница сквозь слёзъ:
Благодатный лучъ денницы
Ей веселья не принёсъ;

Ей не въ радость дня сіянье,
И невольное стенанье
Перси жаркія тѣснитъ...
Въ грусти Пери говоритъ:
«Вѣйтесь, вѣйтесь надо мною,
«Утра облака грядою,
«Вы несите въ вышинѣ
«Вѣсть подругамъ обо мнѣ:
«Имъ доступно состраданье;
«На печальное свиданье
«Съ высоты слетятъ онѣ!
«И цвѣтовъ блестящихъ златомъ
«Мнѣ повѣютъ ароматомъ;
«И алмазъ и изумрудъ
«Въ даръ унылой принесутъ...
«Но почто сіянье злата?
«Что мнѣ вешній ароматъ?
«Воли горькая утрата,
«Чѣмъ тебя мнѣ замѣнятъ?

XVIII.

«Дайте жъ, дайте мнѣ свободу!
«Я къ румяному восходу,
«Въ безпредѣльность высоты,
«Полечу быстрѣй мечты!
«Тамъ вольнѣй мое дыханье,
«Тамъ яснѣй увижу я
«Пробужденное созданье
«Въ полномъ блескѣ бытія!
«Тамъ лучами дня согрѣта,
«Встрѣчусь я съ духами свѣта,
«Съ ихъ сіяніемъ сольюсь...
«Что? Куда? о чемъ молюсь!
«Мнѣ ль преступной упованье?
«Мнѣ ль отверженной сіянье,
«И Эдема красота?
«О бѣги, бѣги мечта!
«Вижу сомкнутыя двери;
«Я въ плѣну!».... и очи Пери

Полны слезъ.... и вновь она
Тайной грусти предана.

XIX.

Тихій плачъ ея, стенанья
Внемлетъ Дивъ. — Доселѣ онъ
Безъ участья, безъ вниманья
Видилъ слёзы, слышалъ стонъ:
Нынѣ — голосъ прежде милый
Въ рѣчи плѣнницы унылой
Онъ узналъ; онъ все забылъ —
Гнѣвъ, вражду и клятвы мщенья...
Онъ на Пери обратилъ
Взоръ невольный сожалѣнья. —
И для ней краснорѣчивъ
Былъ тотъ взоръ: — она узнала,
Отъ чего суровый Дивъ
Вдругъ смягчился — и сказала:

XX.

«Дивъ! ужель не плачешь ты

«Объ утраченномъ блаженствѣ,
«О небесномъ совершенствѣ
«Нашей прежней красоты?
«Хладный, мрачный — ты не видишь
«Блеска утреннихъ небесъ!
«Иль отвергъ и ненавидишь
«Ты Зиждителя чудесъ?
«Иль не хочешь, иль не просишь
«Первой жизни, первыхъ дней,
«И мечты не переносишь
«Вновь къ Источнику лучей, —
«Къ Вѣчному Владыкѣ свѣта, —
«Кѣмъ вселенная согрѣта,
«Кто разсѣялъ, кто возжёгъ
«Звѣзды яркой полосою?
«Кто бы вдругъ во гнѣвѣ могъ
«Ихъ обрушить надъ тобою!....
«Ты — Безсмертнаго Лица —
«Чистый, — прежде не чуждался;
«На тебѣ Его вѣнца

«Блескъ чудесный отражался!..
«И предъ дивнымъ блескомъ симъ
«Что сіяніе земное?
«Наше солнце золотое —
«Тѣнь вечерняя предъ нимъ!....

XXI.

«Вспомни, Дивъ: и мы блистали,
«И въ весельи называли —
«Не тревожимы ничѣмъ —
«Нашей родиной Эдемъ!
«О! кто блескъ его опишетъ?
«Кто постигъ его душой?
«Въ немъ всё жизнь, всё жизнью дышитъ
«И любовію святой!
«Изъ его священныхъ сѣней
«Геній тайныхъ размышленій
«Навѣваетъ мысль о немъ —
«Надъ возвышеннымъ пѣвцемъ!
«Но земному ль откровенья

«Тайный помыслъ разгадать,
«И порывы вдохновенья
«Звукамъ слово передать?
«Онъ разскажетъ ли понятно
«Объ Эдемской тишинѣ,
«О денницѣ необъятной,
«О негаснущей веснѣ?
«Нѣтъ! предъ смертнымъ не спадаетъ
«Тотъ таинственный завѣсъ,
«Коимъ Алла отдѣляетъ
«Человѣка отъ небесъ!...
«Кто же зрѣлъ, какъ дѣвы рая,
«Вѣчной младостью блистая,
«Вѣрнымъ въ срѣтенье летятъ, —
«И для нихъ, отъ трона Аллы,
«Носятъ звѣздные фіалы?
«Кто извѣдалъ, какъ горятъ
«Гурій страстныя лобзанья, —
«Въ коихъ слиты всѣ желанья
«Всѣ восторги бытія?

«И, — не свѣтлый небожитель —
«Кто проникнулъ въ тѣ края,
«Въ ту блестящую обитель,
«Гдѣ составилъ звучный хоръ
«Свѣтлый Ангеловъ соборъ?...
«Онъ поётъ, — и Алла внемлетъ:
«И созданіе объемлетъ
«Тишина; — и строй міровъ
«Неподвиженъ, умолкаетъ,
«И въ безмолвіи внимаетъ
«Звукамъ райскихъ голосовъ!
«Вспомни, Дивъ, — и мы сливали
«Съ ними нѣкогда свой гласъ;
«Вспомни — нѣкогда и насъ
«Братски Ангелы лобзали! —
«Тоже ль нынѣ?..»

XXII.

— Дивъ прервалъ:
«Пери, Пери!» онъ сказалъ, —

«Сердцу сѣтовать напрасно!
«Что мечты? — будить опасно
«Ихъ въ сердечной глубинѣ: —
«Пусть безмолвствуютъ онѣ!
«Намъ изъ сумрака забвенья,
«Дней утраченныхъ видѣнья
«Думой вновь не вызывать;
«Пери, жребій нашъ — страдать!
«Несть яремъ существованья,
«И насильно заглушать
«Сердца тайныя роптанья!
«Такъ, о жребіи другомъ
«Позабудь, — мечта иная
«Отправитъ мечту о немъ:
«Мы отторгнуты отъ рая —
«И отторгнуты — на вѣкъ!»...

XXIII.

— «Дивъ! но падшій человѣкъ,
«Смертный, немощный предъ нами,

«Не надѣется ль, что вновь
«Съ нимъ Предвѣчнаго любовь
«Примирится? — И лучами
«Новой жизни озарёнъ,
«Падшій — вновь возстанетъ онъ?
«Дивъ! мы первенцы созданья, —
«Мы ль утратимъ упованья! —
«Нѣтъ! и къ намъ не будетъ строгъ
«Тотъ, кто вдругъ создать возмогъ
«Полноту Своей Державы
«И для жизни вызвалъ насъ,
«Чтобъ заря Предвѣчной славы
«И надъ нами разлилась!»

XXIV.

— «Такъ! Небеснаго начала
«Отпечатокъ сохраняла
«Пери, ты и на землѣ:
«Я — забытый, брошенъ въ мглѣ;
«Вѣчный мракъ моя стихія:

«Нѣдра горъ, лѣса глухіе —
«Мнѣ жилище; ночь и день
«Я скитаюся какъ тѣнь!
«Я кляну существованье!
«Мысль одна, одно желанье,
«Чтобъ незапно на меня
«Грянулъ громъ неопразимый;
«И какъ вѣтромъ дымъ носимый,
«Такъ разсѣялся и я!
«Пери! тщетныя желанья!
«Нѣтъ, конца существованья
«Я напрасно бы искалъ!..
«Помню: часто я леталъ
«Надъ Ливійскими песками;
«И шумящими крылами
«Вихрь и бурю подымалъ;
«Выше горъ, чернѣе тучи
«Вдругъ взвѣвался прахъ летучій,
«Подъ песчаною волной; —
«Гибли путники толпой!

«И въ пескахъ погибнуть съ ними
«Я хотѣлъ, — но вихрь стихалъ, —
«И межъ труповъ я стоялъ,
«Смерти жаждою томимый!...
«Часто въ сумракѣ ночномъ
«Я слыхалъ: — подземный громъ
«Прогремитъ, — и дымъ и пламень
«Заклубятся надъ землей;
«И летитъ разженный камень,
«И, свистя во мглѣ ночной,
«Столпъ чертитъ онъ огневой:
«Скалы, зданія, дубравы
«Съ страшнымъ грохотомъ падутъ;
«И валы кипящей лавы
«И клокочутъ и ревутъ!...
«И стремясь къ отверзтью бездны,
«Алчно смерти я искалъ! —
«Что же? пламень потухалъ
«И средь гибели, безвредный,
«Я одинъ не погибалъ!

XXV.

«И съ послѣднимъ упованьемъ
«Я стремительно летѣлъ
«Въ край далекій, въ тотъ предѣлъ,
«Гдѣ язвительнымъ дыханьемъ
«Вѣтръ пустыни навѣвалъ;
«И въ странѣ опустошенной —
«Въ воздухъ зноемъ распаленной
«Смерти ядъ переливалъ. —
«Тамъ повсюду я встрѣчалъ
«Разрушенія картины:
«Блекли рощи и долины,
«Изсякали ложа рѣкъ;
«Градъ за градомъ разрушался,
«И страшился и чуждался
«Человѣка человѣкъ! —
«Гибло все: — и ядовитый
«Воздухъ жадно я впивалъ;
«Онъ мнѣ перси и ланиты

«Будто пламень распалялъ:
«Но сбылось ли ожиданье?
«Нѣтъ, напрасное желанье!
«Онъ не мнѣ въ погибель былъ:
«Я страдалъ: — но все я жилъ!...
«Пери! въ общемъ разрушеньи
«Я лишь гибели искалъ:
«Въ ней мнѣ Алла отказалъ!
«Что же мыслить о прощеньи?
«Что на благость уповать?
«Казнь на грѣшномъ тяготѣетъ;
«На челѣ моемъ чернѣетъ
«Отверженія печать!»

XXVI.

— «Смолкни, Дивъ! о нѣтъ, не мысли,
«Что Творецъ неумолимъ;
«Но въ смиреніи, исчисли
«Ты грѣхи свои предъ Нимъ;
«И съ глубокимъ покаяньемъ,

«Съ вѣрой, съ чистымъ упованьемъ
«Припади къ Его стопамъ!
«О, повѣрь моимъ словамъ —
«Если бъ гордый возмутитель,
«Если бъ Эвлисъ предъ Творцемъ
«Палъ, въ раскаяньи, челомъ,
«И ему бы Вседержитель
«Слово Милости изрѣкъ.
«А къ тебѣ ль Онъ будетъ вѣкъ
«Непреклоненъ? — Въ день паденья,
«Ты, въ обманѣ обольщенья,
«Злодѣянье совершалъ;
«Ты ни въ комъ не зараждалъ
«Страшной мысли возмущенья! . . . .
«Дивъ, надѣйся и молись!
«Грѣхъ искупишь ты моленьемъ. —
«Но предъ Свѣтлымъ Примиреньемъ
«И со мною примирись!»

XXVII.

Безотвѣтенъ, въ размышленьи,
Дивъ, казалось не внималъ;
Но души его волненье
Взоръ смущенный выражалъ.
Долго, долго онъ молчалъ!
Вдругъ — ланиты запылали —
«Добрый духъ!» воскликнулъ онъ, —
«Пери, Пери, о! тебя ли
«Гналъ я, местью распаленъ?
«Ты одна ко мнѣ склонила
«Сострадания свѣтлый взоръ;
«Ты въ преступномъ пробудила
«Тайный совѣсти укоръ: —
«Такъ, вина моя велика
«Правосуденъ мой Владыка
«Онъ за грѣхъ меня каралъ:
«Но лишилъ ли упованья?
«Нѣтъ, Онъ въ чувствѣ покаянья

«Путь къ спасенью указалъ!
«Дай же руку примиренья,
«Пери, грустному внемли;
«И со мною о прощеньи
«Вседержителя моли!»
И рѣшетчатыя двери
Дивъ сорвалъ... Онъ руку Пери
Жалъ горячею рукой;
И съ раскаяньемъ, съ мольбой
Въ прахъ челомъ они упали!
По ланитамъ ихъ бѣжали
Слезы жаркою струей.

XXVIII.

Такъ, въ священномъ умиленьи,
Долго было ихъ моленье...
Вдругъ... надъ ними тихій звонъ!...
Струнъ невидимыхъ бряцанье;
И кругомъ на небосклонъ
Льется яркое сіянье;

И съ востока все яснѣй
Слышенъ голосъ; онъ звучнѣй —
Межъ горами утаенныхъ —
Вѣчнымъ звукомъ оживленныхъ
Гармоническихъ ключей...
Дивъ и Пери, въ изумленьи,
Смотрятъ... Кто жъ явился имъ?
Съ пальмой свѣтлой примиренья
Духъ прелестный Израфимъ.

XXIX.

И гласитъ посланникъ Бога:
«До надзвѣзднаго чертога,
«Къ трону Аллы въ краткій мигъ,
«Гласъ раскаянья достигъ!
«Духи! чистое моленье
«Милосердо Онъ пріялъ,
«И въ Седжинѣ записалъ
«Ангелъ ваше примиренье.
«Но еще прекрасный рай

«Не для васъ: — изъ края въ край
«Землю вмѣстѣ облетите,
«И красой достойныхъ дѣлъ
«Блескъ Эдема искупите...
«Такъ Создатель повелѣлъ!
«Вы невидимымъ покровомъ
«Будьте смертнымъ: — но когда —
«На востокѣ, въ блескѣ новомъ,
«Вспыхнетъ новая звѣзда;
«О, тогда конецъ желаньямъ —
«Вы летите съ упованьемъ:
«Свѣтлый рай для васъ открытъ!»
Ангелъ смолкнулъ, — и паритъ —
И сокрылся въ отдаленьи!
Но незримой арфы пѣнье
Вновь въ Эфирѣ раздалось,
И струей благоуханье —
Будто лиліи дыханье —
Надъ землею пролилось.

XXX.

Вслѣдъ за гостемъ лучезарнымъ
Смотритъ Пери, смотритъ Дивъ,
Взоры съ чувствомъ благодарнымъ
Вновь къ востоку обративъ:
Мнилось, имъ преображалось,
Воскресало все для нихъ;
Вся природа, имъ, казалось,
Обновлялась въ этотъ мигъ!
И ужъ крилы ихъ трепещутъ —
Вотъ шумятъ, — и въ высотѣ
Дивъ и Пери снова блещутъ
Въ новой, лучшей красотѣ.
И летятъ; — и все пестрѣетъ,
Все теряется вдали;
И уже едва свѣтлѣетъ
Передъ ними кругъ земли.

XXXI.

Дни бѣгутъ, лѣта мелькаютъ

Неизмѣнною чредой:
Каждый годъ рука съ рукой
Дивъ и Пери посѣщаютъ
Край за краемъ. Надъ землей
Льются ихъ благодѣянья: —
Ихъ достойныя дѣянья
Человѣкъ благословлялъ;
И объ нихъ воспоминанье
Онъ потомству завѣщалъ. —
Но у нихъ одно желанье,
Мысль все та же; и она
Имъ отрадою одна.
«Скоро ль, скоро ль?» Вопрошаютъ
Другъ у друга — и порой
Съ тихимъ вздохомъ и слезой
Взоръ къ востоку обращаютъ.

XXXII.

Вотъ однажды погасалъ
День на небѣ Персистана;

На платанахъ вдоль Курхана
Лучъ послѣдній трепеталъ. —
И вечернее моленье
Духи въ стройномъ пѣснопѣньи
Совершали.... Вдругъ вдали,
Отдѣлившись отъ земли,
Огнь румяный покатился, —
И востокъ воспламенился:
И желанная звѣзда
Загорѣлась! — Что жъ тогда
Дивъ и Пери? — Вдругъ сіяютъ
Въ красотѣ ея лучей.
«О Создатель!» восклицаютъ —
И взвились! — и прямо къ ней!....

ПРИМѢЧАНІЯ.

Дивы — демоны Персидской Миѳологіи.
Пери — духи не чистѣйшіе, но добрые.

I.

Сегестанъ и *Хорасанъ* — провинціи Персіи.

Голосъ Керны завывалъ.

Керна, родъ военной трубы; она была въ большомъ употребленіи въ войскѣ Тамерлановомъ; звукъ ея ужасенъ и слышенъ издалека.

И на трупахъ тотъ Великій
Тотъ ужасный пировалъ.

Чингисъ (великій) — *Ханъ*, опустошалъ въ числѣ прочихъ и Хорасанскую область.

II.

Но свершилось! мечъ Некира.

Некиръ и *Монкиръ* — Ангелы смерти, именуемые на Востокѣ *искателями гроба.*

Мрачный духъ уединенья.

На Востокѣ есть повѣрье, что всякая пустыня обитаема своимъ духомъ-хранителемъ, котораго называютъ *Духомъ уединенія.*

III.

Между камней цвѣтъ ночной

Цвѣтокъ, называемый Естествоиспытателями

Nictanthes, разливаетъ свое благоуханіе по захожденіи солнца.

IV.

Вотъ, какъ Аліевы очи,

Красота очей Аліевыхъ была весьма замѣчательна у Персовъ. Они говорили: прекрасенъ, какъ Аліевы очи.

V.

Храмы Гебровъ подымались.

Гебры, коренные обитатели Персіи, не хотѣли оставить древней своей вѣры, ученія Зороастра и, по завоеваніи Персіи Аравитянами, были гонимы и принуждены удалиться изъ оной. Одинъ изъ лучшихъ храмовъ ихъ былъ въ области Хорасанской, близъ города Герата, (древней Аріи).

VI.

Въ часъ, какъ изъ небесной чаши
Льется мракъ. . . . . .

Такъ выражается одинъ Персидскій стихотворецъ.

VIII.

Какъ въ рукахъ окостенѣлыхъ и проч. .

На Востокѣ есть и понынѣ обыкновеніе, давать въ руку умершихъ дѣвицъ букеты цвѣтовъ. Это водится и на Западѣ.

XI.

Какъ Седжина стражъ унылой

Седжинъ — запись дѣлъ духовъ и человѣковъ.

XVII.

И цвѣтовъ блестящихъ златомъ.

Гемасагара или *мюре золота* — имѣетъ цвѣты самаго яркаго золотаго цвѣта.

XXI.

Носятъ звѣздные фіалы.

На берегу четыреугольнаго озера стоятъ 1000 звѣздныхъ фіаловъ, изъ которыхъ пьютъ души блаженныя.

XXVI.

Если бъ Эвлисъ предъ Творцемъ.

Эвлисъ — у Восточныхъ — Веельзевулъ.

XXVIII.

Гармоническихъ ключей.

Хиндара — баснословный источникъ, издающій безпрерывно музыкальные звуки.

XXXII.

На платанахъ вдоль Курхана.

Курханъ — рѣка, иначе называемая Оксусъ.

БОРСКІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

La natura ha d'innanzi due urne immense. In una stanno i nomi degli uomini, eh essa chiama alla vita, quelli delle donne nell'altra. Colla destra tira fuori della prima un nome, uno ne tira fuori colla sinistra dalla seconda. Il destino li scrive sulla stessa linea tutti e due nel libro della vita. Non v'è forza che possa più disunirli. —

TASSO.

БОРСКІЙ.

ГЛАВА I.

Подъ небомъ чуждымъ бѣдный странникъ,
Владиміръ Борскій, много дней
Провелъ, скитаясь, какъ изгнанникъ,
Вдали отъ родины своей;
Чужой языкъ, чужіе нравы
Ему знакомы; видѣлъ онъ
На лонѣ моря Албіонъ
И Сены берегъ величавый;
Онъ вдохновенія искалъ
Въ стѣнахъ развѣнчаннаго Рима,

И втайнѣ слезы проливалъ
На прахъ пѣвца Ерусалима . . .
Въ отчизнѣ Теля видѣлъ онъ
Съ снѣгами слитый небосклонъ
И горы льдистою громадой,
И гулъ паденія лавинъ
Съ какой-то горестной отрадой
Онъ слушалъ въ сумракѣ долинъ.
Полміра грустный гражданинъ,
Онъ посѣщалъ за градомъ грады,
И, на развалинахъ Аѳинъ,
Оплакивалъ позоръ Эллады! . . .

Но годы странствій протекли,
И нынѣ Борскій видитъ снова
Предѣлы отческой земли
И сѣни дѣдовскаго крова.
Гремя съ воротъ упалъ затворъ,
Они скрыпятъ — и торопливо
Проходитъ Борскій длинный дворъ,

Поросшій плющемъ и крапивой.
Какой повсюду мертвый сонъ!
Кругомъ былаго нѣтъ и тѣни!
Но вотъ къ крыльцу подходитъ онъ,
Полуистлѣвшія ступени
Трещатъ; и, съ грохотомъ глухимъ,
Что шагъ, колеблются подъ нимъ.
Хоть бы одна душа родная
На этотъ шумъ отозвалась!
Лишь стая ласточекъ взвилась,
Въ испугѣ гнѣзда покидая,
И къ верху съ крикомъ понеслась. . . .

Пришлецъ стучитъ — никто не слышитъ
Онъ дверь съ досадою колышетъ —
И вотъ — со связкою ключей —
Выходитъ сторожъ изъ дверей. . .

Въ отцовскій домъ Владиміръ входитъ;
Ряды покоевъ передъ нимъ;
И въ нихъ онъ, молча, долго бродитъ

Воспоминаніемъ томимъ.
Не это ль пышная свѣтлица,
Гдѣ пировалъ его отецъ?
Она запихла наконецъ,
Она безмолвна какъ гробница!
Кругомъ на стѣнахъ расписныхъ
Мелькаютъ въ рамахъ вырѣзныхъ
Знакомыя издавна лица;
Но сѣтью темной ихъ заткалъ
Кой-гдѣ паукъ трудолюбивый,
Развалинъ житель молчаливый.
Въ пыли, онъ далѣе встрѣчалъ
Рядами ружья и кинжалы,
Рога и сабли на ремняхъ,
И въ ветхихъ, дѣдовскихъ шкапахъ
Ковши и древніе бокалы.
Его очамъ, какъ давній сонъ,
Опять минувшее предстало;
И сердце вдругъ затрепетало,
И тихо взоръ потупилъ онъ. . .

Но что? какою грустью новой
Окованъ Борскій? — передъ нимъ
Покой съ панелію дубовой,
Объятый сумракомъ нѣмымъ
Владиміръ сталъ: — здѣсь все родное!
Здѣсь въ колыбели онъ игралъ
И имя матери святое
У ней на персяхъ лепеталъ!
Душою чистый, безмятежный,
Игривъ, какъ легкій вѣтерокъ,
Не вѣдалъ онъ, младенецъ нѣжный,
Что добродѣтель, что порокъ!
Въ его душѣ неомраченной
Таились миръ и правота,
Какъ бы въ святынѣ, охраненной
Нетлѣннымъ знаменьемъ креста.
Здѣсь долго, полный впечатлѣній,
Владиміръ, въ цвѣтѣ юныхъ дней,
Не зная жизни и людей,
Не зналъ ни страха, ни сомнѣній.

Его мечта въ волшебный міръ
Людей и свѣтъ преобразила,
И ею созданный кумиръ
Его душа боготворила!
Онъ жилъ, онъ жизнь благословлялъ!
И, подозрѣньямъ недоступной,
Онъ слѣпо сердцу довѣрялъ;
Онъ вѣрилъ дружбѣ неподкупной.
Давно ль? И что жъ? — Мечты не тѣ!
Съ его очей повязка пала,
И, безъ покрова, жизнь предстала
Въ своей ужасной наготѣ!
«Безумецъ!» мыслитъ онъ «не я ли
Надеждамъ сердце предавалъ,
И людямъ руку простиралъ,
Когда мнѣ люди измѣняли?
Я говорилъ: даруетъ Богъ
Мнѣ въ жизни друга и собрата,
И я не зналъ, что я бы могъ,
Купить друзей цѣною злата!

Что я нашелъ въ толпѣ людей? . . .
Корысть, измѣну, хладъ разврата
И легкомысліе дѣтей!
Едва довѣрчивую младость
До половины отжилъ я,
Ужъ знаю тягость бытія
И сердцу чуждо слово: радость!
Не разъ, сомнѣньямъ предана,
Моя душа изнемогала;
Теперь . . . опять . . . но нѣтъ, не знала
Притворства хитраго — *она* » . . .
И снова тягостнымъ сомнѣньемъ,
Невольно, Борскій возмущенъ,
Трепещетъ — будто пораженъ
Какимъ-то страшнымъ подозрѣньемъ.
Къ окну подходитъ тихо онъ,
Глядитъ въ раздумьи молчаливомъ:
Предъ нимъ блистательнымъ разливомъ
Несется Днѣпръ — но, полонъ думъ

И грезъ любви первоначальной,
Владиміръ слушаетъ печально
Днѣпровскихъ волнъ и плескъ и шумъ. . .

ГЛАВА II.

Минула ночь; прозрачнымъ паромъ
Туманъ клубится; небосклонъ,
Какъ будто вспыхнувшимъ пожаромъ,
Сіяньемъ утра озаренъ.
Томимъ сердечною тревогой,
Безсонной ночью изнуренъ,
Владиміръ вышелъ на балконъ.
Вершины горъ и брегъ отлогой
Уже свѣтлѣютъ; за Днѣпромъ
Луга пространные кругомъ
Въ туманахъ утреннихъ мелькаютъ;
И, отдѣлившись отъ земли,

Главы Печерскія блистаютъ
Златыми звѣздами вдали.
Въ раздумьи Борскій равнодушно
Глядитъ на все; не освѣженъ
Прохладой утреннею онъ;
Груди волнующейся душно . . .
Но вотъ внезапный, легкій шумъ
Выводитъ Борскаго изъ думъ.
Онъ оглянулся торопливо . . .
И видитъ онъ: черезъ покой
Проходитъ тихо, молчаливо,
Священникъ дряхлый и сѣдой.
Его осанку и одежду
Владиміръ съ трепетомъ узналъ:
Не онъ-ли въ дѣтствѣ съ нимъ игралъ,
Не онъ-ли сладкую надежду
Въ открытомъ сердцѣ разливалъ?
Еще незнаемый порокомъ,
Владиміръ старца полюбилъ,
Какъ онъ внималъ, какъ тронутъ былъ

Его спасительнымъ урокомъ.
Но — вотъ онъ! . . .

Священникъ.

Миръ тебѣ, мой сынъ!

Борскій.

Благодарю.

Священникъ.

Моихъ сѣдинъ
Инымъ не радуешь привѣтомъ?
Меня твой взглядъ остановилъ
Онъ, въ сердцѣ дружбою согрѣтомъ,
Свиданья радость отравилъ . . .

Борскій.

Прости; какъ прежде, я не смѣю
Тебя обнять; я не умѣю
Теперь . . .

Священникъ.

Ты другу измѣнилъ!
Въ твоихъ рѣчахъ какой-то холодъ!

Какъ прежде, ты цвѣтущь и молодъ,
Но — ты не тотъ! . . .

Борскій.

Отецъ! я жилъ! . .

Священникъ.

Ты жилъ! Но гдѣ жъ твои сѣдины,
Примѣта горестей и лѣтъ?
Или глубокія морщины
Печальныхъ дней, печальный слѣдъ?

Борскій.

О, не суди меня по взгляду!
Ты долго жилъ — но жилъ въ тиши,
И жизнь была тебѣ въ отраду:
Тревоги немощной души
Ты не поймешь; — и гдѣ найду я
Страну, въ которой бы опять
Могъ отдохнуть я, не тоскуя,
Могъ снова жизнь благословлять?
Когда бъ ты зналъ . . .

Священникъ.

Моимъ урокомъ
Нести свой крестъ — и не роптать!

Борскій.

Меня, заслуженнымъ упрекомъ,
Ты смѣло можешь укорять.
Я знаю, ты меня осудишь,
Но сознаюсь: въ душѣ моей
Своимъ упрекомъ не пробудишь
Довѣрья прежнихъ, ясныхъ дней.
Я это, съ горестью, предвижу,
И несознаньемъ не унижу
Передъ тобой моей души.
Но я прошу: ты разскажи
Мнѣ объ отцѣ: его кончину
Богъ не судилъ мнѣ увидать,
Но ты — ты можешь разсказать
Объ ней отвергнутому сыну...

Священникъ.

Ты правъ: но, Борскій, погоди,
Я вдругъ встревоженъ, — сердцу больно,
При мысли горестной, въ груди
Тоска пробудится невольно . . . .
Но — вотъ какъ было все: . . Съ тѣхъ поръ,
Какъ разлучилъ тебя со мною
Отца послѣдній приговоръ,
Онъ жилъ на свѣтѣ сиротою
И долго, долго я одинъ
Опорой былъ его сѣдинъ!
Его ничто не утѣшало,
Безсмѣнно тайная тоска
Томила душу старика,
И, я замѣтилъ — тяжко стало
Ему глядѣть на Божій свѣтъ!
Онъ говорилъ: «Отецъ, мы оба
Достигли вмѣстѣ позднихъ лѣтъ;
Но мнѣ ужъ вѣетъ холодъ гроба;
Умру — и ты, другъ добрый мой,

Благословишь мою кончину!
О, не презри моей мольбой:
Ты мнѣ былъ другъ, — будь другомъ сыну!»
Такъ и сбылося: каждый часъ
Онъ разрушался болѣ, болѣ,
И, въ ночь одну, по Вышней волѣ,
Онъ на рукахъ моихъ угасъ . . .

Потупя взоръ, объятый думой,
Сидѣлъ Владиміръ; и угрюмо
Печальный слушалъ онъ разсказъ . . .
Но вдругъ онъ всталъ: «Отецъ, довольно!
Не продолжай; я изнемогъ! »
И слезы яркія невольно
Хотѣлъ онъ скрыть — но скрыть не могъ.

Священникъ.

Мой сынъ, постой, еще два слова
И я окончу мой разсказъ:
Когда, уже въ послѣдній разъ,
Моя рука была готова,

Запечатлѣть его уста
Святымъ причастіемъ Христа,
Онъ вдругъ привсталъ, суровъ и мраченъ,
Какой-то листъ онъ подалъ мнѣ....
Вотъ онъ! — Сей листъ тебѣ назначенъ,
Прочти его наединѣ.

ГЛАВА III.

Одинъ, въ покоѣ отдаленномъ,
Сіяньемъ утра озаренъ,
Стоитъ Владиміръ. Долго онъ,
Въ волненьи страха перемѣнномъ,
Не смѣетъ робкою рукой
Раскрыть бумаги роковой.
Отца таинственныя строки
Его тревожатъ и страшатъ:
Черты завѣтныя хранятъ,
Быть можетъ, горькіе упреки!
«Но нѣтъ,» онъ мыслитъ, «мой отецъ,
Ты примиренъ моимъ изгнаньемъ!» . . .

И, полный новымъ ожиданьемъ,
Письмо раскрылъ онъ наконецъ:

«Мой сынъ! Я гасну . . . хладомъ вѣетъ
Дыханье смерти на меня . . .
Въ очахъ туманъ . . . рука слабѣетъ,
Едва пишу . . . . но, въ гробъ клоня
Мою печальную сѣдину,
Я не хотѣлъ. . . нѣтъ! я не могъ
Предстать туда, гдѣ судитъ Богъ,
Не даровавъ прощенья сыну! . . .
Владиміръ! Я тебя любилъ!
Тебя, на долгое изгнанье,
Я, противъ воли, осудилъ,
И, вѣрь мнѣ, это наказанье
Съ тобой невольно я дѣлилъ! . . .
Я дряхлъ . . . не въ тягость мнѣ кончина,
Но я бъ хотѣлъ у сердца сына
Согрѣть остынувшую кровь,
Я бы хотѣлъ. . . . но, другъ мой, гдѣ ты? . . .

Твои безумные обѣты,
Твоя несчастная любовь,
Меня такъ горестно лишили
Послѣдней радости моей! —
И не они ль остатокъ дней
Недугомъ тяжкимъ отравили? —

Обманутъ блескомъ красоты,
Скажи, не ту-ли избралъ ты,
Чьимъ родомъ Борскихъ родъ униженъ,
И чьимъ отцемъ я былъ гонимъ,
Мой сынъ! по праву ли обиженъ
Отецъ твой выборомъ такимъ?
Мнѣ жить не многія мгновенья,
И, чувствъ моихъ не утаю:
Я и теперь благословенья
На бракъ, мнѣ чуждый, не даю!
Но нѣтъ, я вѣрю, ты возможешь
Преодолѣть порывъ страстей
И непокорностью своей

Моихъ костей не потревожишь!
Чти мой завѣтъ — и озаритъ
Тебя лучъ горней благодати:
Не то — гроза моихъ проклятій
И въ самомъ гробѣ загремитъ!...»

Владиміръ вздрогнулъ, цѣпенѣетъ,
Въ душѣ смятеніе и страхъ,
И въ помутившихся очахъ
Свѣтило дневное темнѣетъ.
Не могъ онъ далѣе читать;
Рука хладѣя опустилась,
И самъ не смѣлъ онъ разгадать,
Какая мысль въ душѣ таилась!

ГЛАВА IV.

Глубокимъ рвомъ обведена,
На зеленѣющемъ курганѣ,
Часовня ветхая видна;
Окрестъ нее, въ глухой полянѣ,
Ряды могилъ; древа, кусты
На нихъ прохладой навѣваютъ,
И между зелени мелькаютъ
Полуистлѣвшіе кресты.
Здѣсь, путь оконча многотрудный,
Почили прадѣды села,
Какъ мирно жизнь ихъ протекла,
Такъ миренъ сонъ ихъ непробудный!

*

Предъ свѣтлымъ идоломъ молвы,
Не преклоня своей главы,
Въ глуши полей забыты рокомъ,
Они не знали, какъ принесть
Ей можно въ дань и жизнь и честь,
Или блистательнымъ порокомъ
Въ народѣ имя пріобрѣсть!
Они забыты — но упрекомъ
Ихъ внуки, въ будущихъ вѣкахъ,
Не возмутятъ забытый прахъ!

Межъ сихъ могилъ, одна могила, —
Другихъ огромнѣй и виднѣй,
И липа темная надъ ней
Густыя вѣтви наклонила.
Со всѣхъ сторонъ заграждена
Рѣшеткой черною она,
Въ срединѣ двѣ чугунныхъ плиты,
Глубоко вросшія въ мѣста,
И, плющемъ до верху обвиты,

Надъ ними рядомъ два креста.
Владиміръ здѣсь; — онъ съ содроганьемъ
Родныя видитъ имена;
Душа смятенная полна
Какимъ-то страшнымъ ожиданьемъ...
Но тихо все... «Нѣтъ!» молвилъ онъ,
«Вы крѣпко, крѣпко спите оба!
Напрасно жду... вамъ загражденъ
Свинцовой дланью путь изъ гроба!
Но, если сонъ не тихъ въ гробахъ,
Когда васъ голосъ мой встревожитъ,
Простите сыну — онъ не можетъ
Излить тоски своей въ слезахъ:
Нѣтъ больше слезъ въ его очахъ!
Онѣ изсякнули отъ зноя
Недуговъ сердца и страстей...
О мой родитель! для чего я
Нарушилъ миръ твоихъ костей?
Не ты ль виной? Могу ль спокойно
Исполнить строгій твой завѣтъ,

И мой торжественный обѣтъ
Теперь отвергнуть недостойно?
Ты предузналъ: — въ моей крови
Нѣтъ жара первыхъ впечатлѣній
Я самъ блуждаю въ мглѣ сомнѣній,
Я самъ — страшусь моей любви!
Что я найду? — Еще не знаю...
Но я бы, кажется, хотѣлъ,
Чтобы другой уже владѣлъ
Ея рукой — я ей прощаю!
Но если долго такъ, она
Обѣту пребыла вѣрна,
Ее отвергнуть я не смѣю!
Я, на преступную главу,
Проклятій новыхъ не сзову,
Я раздѣлю мой жребій съ нею —
И скрою страшный твой завѣтъ!
Отецъ! ты тамъ, гдѣ больше нѣтъ
Борьбы и чувства и разсудка —
Быть можетъ, сына ты простишь —

И, чуждъ земнаго предразсудка,
Мой грустный бракъ благословишь!... »

Владиміръ смолкнулъ — и главою
На ближній крестъ поникнулъ онъ;
Уже вечернею зарею
Сіялъ румяный небосклонъ
Все было тихо — но порою
По липѣ вѣтеръ пробѣгалъ,
И, внемля шорохъ зыбкой сѣни,
Невольно Борскій трепеталъ...
Ему казалось — волновалъ
Ее полетъ незримой тѣни!

ГЛАВА V.

Въ поляхъ и въ рощахъ тишина;
Примѣтно западъ потухаетъ,
И зелень радужно блистаетъ
Едва, едва озарена.
Накинувъ плащъ, въ широкомъ полѣ
Владиміръ скачетъ на конѣ
И борзый конь бѣжитъ по волѣ...
Огонь мелькаетъ въ сторонѣ —
Тамъ роща; Борскому знакома
Она издавна; въ рощѣ той
Онъ зритъ, сквозь зелени густой,
Рядъ бѣлыхъ трубъ и кровлю дома,

И направляетъ бѣгъ коня
На свѣтъ блеснувшаго огня.
Ужъ Борскій тамъ, — съ коня онъ сходитъ
Къ оградѣ каменной подходитъ,
Онъ у воротъ уже стоитъ,
Но что-то вдругъ его страшитъ; —
Идти-ли? Нѣтъ-ли? Онъ въ сомнѣньи,
Онъ долго, долго въ размышленьи,
Вдругъ слышитъ шумъ — и видитъ онъ,
Дверь отворилась на балконъ.
Мелькнула тѣнь, за ней другая
Выходитъ, медленно ступая,
И вотъ — шаговъ ихъ гулъ затихъ,
И только шопотъ слышенъ ихъ:
«Садись; вечерняя прохлада
Пусть освѣжитъ тебя.»
«Я рада:
Мнѣ легче здѣсь, въ тѣни вѣтвей
Вздыхаетъ грудь моя вольнѣй...»

Владиміръ слышитъ — сердце сжато —
Знакомый голосъ онъ узналъ, —
Какъ этотъ голосъ волновалъ
Любовью грудь его когда-то?
Такъ! здѣсь Елена! съ нею — мать,
Ему ль обѣихъ не узнать!
Но сколько, сколько перемѣны
Въ печальномъ голосѣ Елены!
Встревоженъ Борскій — но впередъ
Въ тѣни украдкою идетъ,
Чуть переводитъ онъ дыханье,
Но вотъ нога его скользитъ,
И вдругъ послышалось стенанье:

Елена.

О Боже!

Ея мать.

Что съ тобой? ты вдругъ
Затрепетала, застонала —
Ты не больна-ли, милый другъ?

Елена.

Онъ здѣсь!...

Мать.

Кого ты увидала?

Елена.

Владимиръ! ты-ли?

Мать.

Дочь моя,

Опомнись! — Нѣтъ, она не слышитъ,

Она дрожитъ, она чуть дышитъ —

Елена! другъ мой, это я!

Спокойся, что тебя тревожитъ?

Ночные призраки, быть можетъ...

Елена.

Нѣтъ! это были не мечты!

Онъ здѣсь мелькнулъ, на мѣстѣ этомъ,

Гдѣ озаряются кусты

Изъ оконъ падающимъ свѣтомъ...

Мать.

Мелькнулъ?—Но гдѣ жъ онъ?—кто здѣсь былъ?

Повѣрь мнѣ, призракъ ослѣпилъ
Твои блуждающія очи!
Тебя такъ часто онъ томилъ
При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи!
Недуга жаръ въ твоей груди,
Онъ грезы страшныя наводитъ
И ты... Но вотъ — луна восходитъ,
Кругомъ все пусто; — погляди!

Елена.

Да!.. пусто! — взоръ мой очарованъ
Былъ снова призракомъ ночнымъ —
Но я давно сдружилась съ нимъ,
Одной мечтой мой умъ окованъ —
Зачѣмъ страшиться мнѣ его?
То призракъ счастья моего!

Мать.

И счастья этого довольно?
Желаній новыхъ ты чужда!
О, если бъ знала ты, какъ больно
Объ этомъ мыслить мнѣ всегда!

И тотъ, о комъ еще по нынѣ
Тоскуешь столько — онъ въ чужбинѣ,
Онъ, можетъ быть, и свой обѣтъ
Забылъ давно...

Елена.

Владиміръ?.. Нѣтъ!
Повѣрь мнѣ, ты его не знаешь.

Мать.

Ты сердцу слѣпо довѣряешь —
Но — доживи до позднихъ лѣтъ...

Елена.

Онъ измѣнилъ? О нѣтъ, измѣны
Я не страшусь!.. Я знаю, онъ
Не разлюбилъ своей Елены!..
Моей любви невѣрный сонъ
Еще я помню, — помню живо
Его послѣдній разговоръ,
Его обѣтъ краснорѣчивой
И помню я — прощальный взоръ!
Тотъ взоръ — онъ высказалъ мнѣ ясно

Его тоску, его любовь,
И, въ мигъ разлуки, въ мигъ ужасной
Я ожила къ надеждѣ вновь!

Мать.

Но вотъ ужъ минуло три года,
Владиміръ родину забылъ; —
Иноплеменнаго народа
Онъ край и нравы полюбилъ.
Онъ молодъ, онъ страстямъ послушенъ,
Смѣнились прежнія мечты,
Быть можетъ, онъ не равнодушенъ
Къ привѣту новой красоты...
Онъ измѣнилъ — другую любитъ,
И счастливъ... да! — зачѣмъ же губитъ
Тебя напрасная тоска?
Забудь его! Твоя рука
Опять свободна...

Елена.

Я ль забуду
Все, чѣмъ жила, все чѣмъ живу!

Укоромъ вѣчнымъ я не буду
Отягощать мою главу!
Смотри: вотъ перстень обручальной —
Онъ на рукѣ моей горитъ!
Но яркій блескъ свѣчи вѣнчальной
Моей главы не озаритъ!
Пусть онъ забылъ любовь Елены,
Пускай въ объятіяхъ другой,
Пьетъ, усыпительной струей,
Отраву сладкую измѣны —
Я все прощаю! — Никогда
Моихъ упрековъ не услышитъ!
Пока горитъ моя звѣзда,
Покамѣсть грудь больная дышитъ,
О немъ молиться буду я...
Когда онъ счастливъ — пусть узнаю —
Мой вѣкъ покойно я скончаю
И тѣнь утѣшится моя!...

Она замолкла, — но рыданье,

Неясный лепетъ и стенанье
Владиміръ слышитъ; — страшно онъ
Тоской Елены пораженъ!
Неизъяснимое волненье
Объемлетъ душу; сожалѣнье
Ему доступно — и любовь
Въ груди его тѣснится вновь!
Елены горестному стону
Внимать не можешъ долѣ онъ —
Любовью, жалостью къ балкону
Насильно Борскій увлеченъ...
Онъ тамъ!... Лобзаніемъ Елены
Его щека распалена...
Недугъ, сомнѣнье, страхъ измѣны
Забыто все; — теперь она,
Полуживая, безъ движенья,
Къ груди поникнула его —
И мать Елены на него
Глядитъ съ слезою умиленья!...

ГЛАВА VI.

Кто рано жизнью утомленъ,
Страстями жаркими измученъ,
Тотъ сердцемъ къ жизни охлажденъ
И съ тайной грустью неразлученъ;
Онъ долго ищетъ, гдѣ нибудь,
Душой усталой отдохнуть,
Ему все дико, чуждо станетъ,
Разлюбитъ онъ людей и свѣтъ
И онъ въ порѣ своей увянетъ,
Какъ въ ранній хладъ — осенній цвѣтъ.
Но, если въ грудь его прольется
Вновь чувства свѣтлаго струя,

Въ душѣ родное отзовется, —
Онъ снова чувству предается —
И сердце дѣлъ его судья!
Таковъ Владиміръ: онъ обиженъ
Насильемъ рока своего,
И цѣлый свѣтъ въ глазахъ его
Обезображенъ и униженъ!
Послушный гордому уму,
Подъ грузомъ тяжкихъ подозрѣній,
Ужъ онъ не вѣрилъ никому,
Онъ мыслилъ: первыхъ заблужденій
Лѣта прошли — и не придутъ;
Въ его душѣ не оживутъ
Восторги прежнихъ впечатлѣній...

Минули дни — и что жъ? онъ сталъ
Опять поклонникомъ Елены;
Своей внезапной перемѣны
Владиміръ самъ не понималъ.
Но лаской дѣвы простодушной

Не смѣлъ, не могъ онъ пренебречь
И слушалъ онъ не равнодушно
Любовью дышущую рѣчь.
Когда Елена преклоняла
Къ его груди свое чело,
Душа страдальца оживала,
И было на сердцѣ свѣтло.
Еще недавней непогодой,
Его измученная грудь,
Теперь опять могла вздохнуть
Какой-то нѣгой и свободой. —
Какъ въ годы юности, пока
Плѣняетъ жизнь издалека,
И юный умъ ей слѣпо вѣритъ,
И сердце, въ дѣтской простотѣ,
Страстей пучины не измѣритъ,
Какъ вѣрилъ Борскій, въ годы тѣ,
Мечтамъ любви, земному счастью,
Теперь такъ вѣрить имъ не могъ,
Но, очарованъ прежней страстью,

Онъ позабылъ, онъ пренебрегъ
Недавнихъ опытовъ уроки —
И, если вдругъ припоминалъ
Отца послѣдніе упреки,
Внезапный холодъ обнималъ
Его трепещущіе члены,
Онъ вдругъ смущался, онъ молчалъ, —
Но мракъ сердечный разсѣвалъ,
Какъ лучъ небесный, взоръ Елены —
И жизни новая струя
Лилась въ воспрянувшую душу.
«О нѣтъ!» онъ мыслилъ, «не разрушу
Надеждъ плѣнительныхъ ея,
Она со мной! Она моя!
Ее отвергнуть — я не смѣю,
Я съединю мой жребій съ нею —
И будетъ небо мнѣ судья!»

ГЛАВА VII.

Вечернимъ сумракомъ объятой,
Цвѣтами убранъ сельскій храмъ;
Лампады блещутъ, блещетъ злато
По озареннымъ образамъ.
Кругомъ народъ; въ срединѣ храма
Блеститъ сквозь облакъ ѳиміама,
Покрытый бархатомъ, налой,
На немъ икона, крестъ златой,
Завѣтъ о подвигѣ Христовомъ,
Которымъ былъ утѣшенъ міръ,
Когда Апостолъ, мощнымъ словомъ,
Потрясъ язычества кумиръ,

Но тихо все, — безмолвенъ клиръ,
Кого-то ждутъ; — вдругъ стукъ и топотъ
У двери слышны, слышенъ звонъ —
«Идутъ! идутъ!» въ народѣ шопотъ,
Толпы тѣснятся съ двухъ сторонъ,
И вотъ — Владиміръ и Елена
Во храмъ торжественно вошли,
Склонили набожно колѣна,
Главы склонили до земли,
Одной молитвой сердце полно,
И въ храмѣ все опять безмолвно...

О какъ спокойно и свѣтло
Невѣсты радостной чело!
Гадать о будущемъ не смѣетъ
Въ сей часъ торжественный она,
Душой молитвѣ предана;
И на нее, какъ будто вѣетъ,
Какой-то горней тишиной
Отъ лика Дѣвы пресвятой.

Но сердце робко: въ самомъ счастьи
Легко тревожится оно —
И, часто, вдругъ возмущено
Какъ бы предчувствіемъ ненастья!
И взоръ Елены омраченъ
Порой невольною слезою —
Но это мигъ — и снова онъ
Блистаетъ радостью святою. . .
Такъ, на поверхности пруда,
Мутится влага иногда
Дождя внезапнаго паденьемъ, —
Но солнце взглянетъ — и она
Опять недвижна и ясна.

Что жъ Борскій? — Горестнымъ волненьемъ
Его душа возмущена,
Печально, тихо онъ подъемлетъ,
На ликъ Спасителя, свой взоръ,
Молиться хочетъ, но — укоръ
Въ груди виновнаго не дремлетъ!

Во взорѣ благостномъ Христа,
Онъ приговоръ себѣ читаетъ. . .
Смутился — очи потупляетъ —
И нѣмы вновь его уста;
Опять объятъ онъ думой прежней,
Онъ вспомнилъ снова объ отцѣ,
И грудь волнуется мятежнѣй
И снова блѣдность на лицѣ, —
Его страшатъ чужіе взоры
И, въ этотъ мигъ, онъ бы хотѣлъ
Рѣшить свой горестный удѣлъ,
Бѣжать въ лѣса, въ глухія горы,
Гдѣ никогда не могъ бы онъ
Быть взоромъ чуждымъ возмущенъ,
Но поздно. . . Въ ризы облеченный,
Священникъ входитъ, онъ готовъ
Торжествовать обрядъ священный,
И клиръ отгрянулъ съ двухъ концевъ —
И вотъ Еленѣ, полонъ страха,
Владиміръ руку подаетъ.

Онъ весь дрожитъ, какъ будто ждетъ
Его не бракъ — а стыдъ и плаха. . .

Вѣнцы блестятъ на ихъ главахъ,
Чело Елены просвѣтлѣло; —
Но что жъ Владиміръ? — Тотъ же страхъ
Въ его душѣ оледенѣлой!

Уже свершенъ святой обрядъ,
Звучнѣй и радостнѣе хоры,
И любопытнѣе слѣдятъ
Чету обвѣнчанную взоры:
Онъ наступилъ — тотъ сладкій часъ,
Когда любовникъ, какъ супругу,
Объемля прежнюю подругу,
Ее лобзаетъ въ первый разъ, —
И наконецъ Владиміръ клонитъ
Къ Еленѣ блѣдныя уста —
Но что съ нимъ?—вдругъ онъ глухо стонетъ,
Въ очахъ то блескъ, то темнота,

И взоръ болѣзненный и мрачной
Въ лице Елены устремленъ,
И онъ — какъ будто изумленъ
Лобзаньемъ страстнымъ новобрачной. . .

БОРСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Leben ist der Liebe Spiel,
Tod der Liebe Weg zum Ziel,
Und ihr Knecht, das Schicksal, eint,
Was für immer ist vereint!

WERNER.

БОРСКІЙ.

ГЛАВА I.

Озарена огнемъ заката,
Громада свѣтлыхъ облаковъ,
Стоитъ и блещетъ въ морѣ злата,
Какъ бы волшебная палата,
На дивномъ островѣ Духовъ.
Но мигъ одинъ очарованье!
Повѣютъ крылья вѣтерка,
Падетъ случайное созданье,
Какъ волны хлынутъ облака
И, безобразною грядою,

Онѣ возлягутъ надъ землею.
Такъ въ нашей жизни: призракъ тотъ,
Который сердце создаетъ,
Которымъ будущность свѣтлѣетъ,
Въ судьбѣ одинъ переворотъ,
Одно событіе разсѣетъ;
Исчезнетъ онъ — и снова мгла
Въ душѣ густѣе, чѣмъ была.

Когда судьба моей Елены
Была навѣки рѣшена,
Какъ ни разлуки, ни измѣны
Ужъ не страшилася она,
Какъ нѣжнымъ именемъ супруга
Она Владиміра звала,
Зачѣмъ въ душѣ ея была
Тревога тайнаго недуга?
Зачѣмъ его холодный взоръ
Она съ боязнію встрѣчала,
Блѣднѣла вдругъ и прерывала

Едва начатый разговоръ?
Зачѣмъ? — Но кто не разгадаетъ
Ея тоски и смутныхъ думъ,
Какая мысль тревожный умъ
При взглядѣ Борскаго смущаетъ?
Какъ вѣстникъ горя, страшный сонъ,
Въ ея душѣ многострадальной,
Тотъ мигъ надолго сохраненъ,
Какъ озаренъ свѣчей вѣнчальной,
Ея супругъ, у алтаря,
Стоялъ недвижный, думы полный,
И принялъ, блѣдный и безмолвный,
Лобзанья жаркія ея.

Елена робкая страшилась
Глядѣть съ довѣренностью вдаль,
И сердца прежняя печаль
Печалью новой замѣнилась.
Минутной радости слѣды
Какой-то сумракъ вновь одѣялъ,

И духъ враждующій развѣялъ
Созданье свѣтлое мечты.
Еще Еленѣ тайной было,
Что сердце Борскаго томило,
Но тѣмъ печальнѣй, тѣмъ страшнѣй
Казалась тайна эта ей.
Она мечтала: ей грозила
Въ грядущемъ буря не одна,
И съ тихимъ трепетомъ она
Въ обитель Борскаго вступила.
Никто не встрѣтилъ у воротъ
Елену кликами веселья,
И грустенъ былъ ея приходъ,
Безъ шумныхъ празднествъ новоселья.
Владиміръ долго отдохнуть
Не могъ отъ тайнаго волненья —
Страшился онъ, чтобъ кто-нибудь
Свидѣтель былъ его смущенья,
И, въ часъ вечерній, отъ вѣнца
Онъ ввелъ безмолвную Елену

Въ свой домъ, въ наслѣдіе отца, —
И что жъ? Какую перемѣну
Увидѣлъ въ ней? какая мгла
Чело печальное одѣла?
Елена болѣе не смѣла,
Елена болѣ не могла,
Со всею преданностью друга,
Ласкать желаннаго супруга,
Къ нему довѣрчиво на грудь
Устами робкими прильнуть.

Супруги тихую кручину
Владиміръ видѣлъ; темный умъ
Слѣдилъ сокрытую причину
Ея смятенія и думъ.
Но все загадкой оставалось,
Часы тянулися въ тиши
И подозрительной души
Сомнѣніе не разрѣшалось,
И часто мрачнымъ грезамъ онъ

Душой мучительно былъ преданъ,
Какъ бы не жизнь, а страшный сонъ
Ему былъ свыше заповѣданъ!
Елену часто онъ смущалъ
Суровымъ взоромъ подозрѣнья,
Какъ бы примѣты преступленья,
Онъ на челѣ ея читалъ —
И оскорбительное слово
Сорваться съ устъ его готово —
Но вдругъ уста заграждены,
Онъ озирался боязливо,
Въ смятенномъ сердцѣ было живо
Сознанье собственной вины...

Такъ дни проходятъ; — въ грусти прежней
Елена тратитъ дни свои,
Елена любитъ безнадежнѣй,
Тая порывъ своей любви.
Ее страшитъ судьба супруга,
Елена видитъ: съ каждымъ днемъ

Сильнѣй и тягостнѣе въ немъ
Тоска сердечнаго недуга;
И сердце вѣщее порой
Ей робко шепчетъ: день настанетъ,
Сгустится туча надъ главой —
И буря гибельная грянетъ!
Такъ бѣдный странникъ иногда,
Въ странѣ гористой и безлюдной,
Не видя признаковъ слѣда
И путь прокладывая трудной,
Съ невольнымъ страхомъ бури ждетъ,
Какъ вихря горнаго полетъ
Свистишъ, несетъ и хладъ и тучи
И, надъ поверхностью земли,
Взовьется съ шумомъ прахъ летучій
И каркнутъ вороны вдали.

ГЛАВА II.

Въ раздумьи горестномъ, Елена
Сидитъ уныло подъ окномъ,
Ей видѣнъ Днѣпръ; сѣдая пѣна
Летучимъ блещетъ серебромъ,
И усладительному шуму
Она внимаетъ, — прежнихъ дней
Давно-утраченную думу
Знакомый шумъ наводитъ ей.
Предъ ней блеститъ, какъ въ прежни годы,
Природы свѣтлая краса
И такъ же ясны небеса

И такъ же тихо льются воды,
Но въ нихъ давнишней красоты
Елены взоры не находятъ,
Какой-то мракъ на все наводятъ
Ея печальныя мечты;
Тогда все краше и свѣтлѣе
И радостнѣй казалось ей; —
А нынѣ?... Грусть ея сильнѣе,
И слезы льются изъ очей,
Вдругъ — входитъ Борскій...

Владиміръ.

Что съ тобою?
Ты плачешь?

Елена.

Я?...

Владиміръ.

Въ твоихъ очахъ
Потоки слезъ...

Елена.

И я не скрою

Причины ихъ. О прошлыхъ дняхъ,
О дняхъ счастливыхъ я мечтала,
Когда впервые повстрѣчала
Тебя на здѣшнихъ берегахъ. . .

Владиміръ.

О чемъ же плакать?

Елена.

Слезъ не трачу
Я какъ дитя. Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ,
Не о пустой мечтѣ я плачу!
Я знаю, намъ минувшихъ лѣтъ
Не воротить. Меня тревожитъ
Иная мысль; — и день и ночь
Ее душа забыть не можетъ,
Ее не въ силѣ превозмочь!

Владиміръ.

Ты часто плакала украдкой
И слезъ примѣты видѣлъ я,
Но, признаюсь — тоска твоя
Была мнѣ странною загадкой. . .

Елена.

Владиміръ, не вини меня!
Причину горести храня,
Я втайнѣ болѣе страдала,
Но я щадила твой покой;
И этой мыслію одной
Себя въ печали утѣшала.
Прости мнѣ! Скрыть мои мечты
Могла бъ я, можетъ быть, и долѣ,
Но вѣдать ихъ желаешь ты,
И я твоей покорна волѣ.
Мой другъ, садись, дай руку мнѣ,
Взгляни въ окно — ты видишь поле
И эту рощу въ сторонѣ —
Владиміръ, помнишь — время было,
Въ ея прохладѣ и тѣни
Текли, такъ плавно, наши дни!
Бывало — думою унылой
Твой умъ внезапно возмущенъ, —
Но ты подѣлишься со мною,

Своимъ раздумьемъ и тоскою,
И грусть исчезнетъ — будто сонъ...
Какимъ огнемъ живымъ и яркимъ
Твой взоръ свѣтился иногда —
Ты жегъ меня дыханьемъ жаркимъ
И клялся ты, что никогда
Мнѣ грусть твоя не будетъ тайной,
Что дума каждая твоя
Не будетъ...

Владиміръ.

Можетъ быть случайно
И не сдержалъ сей клятвы я.

Елена.

Случайно! — Нѣтъ, не случай былъ!
Ты обманулъ меня жестоко —
Ты тайну страшную глубоко
Въ своей груди похоронилъ.
Но я прочла твое страданье
Въ очахъ задумчивыхъ твоихъ:
И вотъ о чемъ мое стенанье!

И вотъ причина слезъ моихъ!
О мой супругъ! изъ сожалѣнья
Мое сомнѣнье разрѣши,
Моей измученной души
Не доведи до изступленья!
Я знаю, твердо вѣрю я,
Что никогда рука твоя
Не совершила преступленья,
Но, какъ преступникъ, ты порой
Суровъ и робокъ предо мной.
Скажи же, что въ душѣ ты кроешь,
Какою мыслью ты томимъ?
Повѣрь, сознаніемъ своимъ
Моихъ страданій не удвоишь —
Онѣ ужъ полны! — Ты молчишь!
Потупилъ взоръ? — И такъ услышь
Твою всю тайну — я проникла...
(Владиміръ вздрогнулъ.)
Мнѣ она
Твоимъ смущеньемъ внушена,

И я къ ней мыслію привыкла...
Владиміръ, вспомни — ты не разъ
О Римѣ начиналъ разсказъ,
Съ какимъ-то чуднымъ вдохновеньемъ
Ты мнѣ описывалъ его —
И я неслась воображеньемъ
Подъ небо Рима твоего; —
Ты говорилъ: тамъ солнце ярче,
Тамъ скоро не хладѣетъ кровь,
И страсти тамъ полнѣй и жарче,
И необъятнѣе любовь.
Ахъ, я проникла, ты не даромъ
Съ такимъ волненіемъ и жаромъ
О дальнемъ Римѣ говорилъ:
Ты тамъ любилъ! Мнѣ это ясно.
Къ чему же, съ сердцемъ несогласной
Обѣтъ, мнѣ данный, сохранилъ?
Прошу, молю я, молви слово —
Зачѣмъ таиться? назови
Мою соперницу въ любви,

Собой я жертвовать готова!
Я отрекаюсь отъ тебя!
Я возвращу тебѣ веселье,
Себя, живую, погребя
Въ какой нибудь пустынной кельѣ!
А ты — бѣги, бѣги туда,
Гдѣ ты найдешь свою потерю —
Въ своей Италіи, я вѣрю,
Меня забудешь — навсегда!...

Владиміръ всталъ — не сожалѣнье,
Нѣтъ, гнѣвъ въ очахъ его горитъ,
Ни слова онъ, — но грудь кипитъ,
Но въ мысляхъ страшное смущенье!
И вотъ рванулъ онъ разомъ дверь
И вышелъ. — Онъ одинъ теперь,
Онъ мыслитъ: «въ чемъ еще сомнѣнье?
Я ей наскучилъ — мало ей
И дружбы и любви моей!
Быть можетъ, страстію позорной

Давно душа ея горитъ,
Но мыслитъ: мужа усыпитъ
Она любовію притворной...
Да, это вѣрно! Мнѣ она
Не даромъ Римъ напоминала!
Она мечтала — та страна
Меня давно очаровала
И увлечетъ опять меня...
Ошиблась! — Здѣсь останусь я!
Я вижу замыселъ коварной —
Еще открытіе одно —
И пусть я гибну — все равно, —
Я не щажу неблагодарной!... »

ГЛАВА III.

День угаснулъ; потемнѣли
Воды, рощи и поля,
Какъ младенецъ въ колыбели,
Спитъ усталая земля,
Сонъ ея благоговѣйно
Добрый Геній сторожитъ;
Все такъ мирно, — все молчитъ —
Только вѣтеръ тиховѣйной,
Въ часъ, какъ дремлютъ долъ и садъ,
Розмаринной и лилѣйной
Переноситъ ароматъ.

Вотъ и онъ — красавецъ ночи,
Мѣсяцъ, по небу взошелъ,
И на спящую навелъ
Онъ серебряныя очи.

Рѣже сумракъ, свѣтъ яснѣй,
И, какъ будто изъ лучей,
Вдругъ соткалось покрывало —
И на грудь земли упало...

О мѣсяцъ, мѣсяцъ! сколько разъ
Ты въ небѣ весело сіяешь,
Но какъ ты мало свѣтлыхъ глазъ,
Какъ много слезъ ты озаряешь!
Тебя не тотъ съ тоскою ждетъ,
Кто не извѣдалъ съ рокомъ битвы,
Кто благодарныя молитвы
За день свой ночью воздаетъ,
Но отъ восхода до заката
Тотъ глазъ не сводитъ отъ тебя,

Чья жизнь утратами богата,
Кто часто плачетъ про себя; —
О мѣсяцъ ясный, мѣсяцъ полный!
Не слезъ однѣхъ свидѣтель ты —
Какъ часто, съ темной высоты,
Ты зритель ужасовъ безмолвный!
Не разъ въ лучахъ твоихъ блисталъ
Въ крови дымящійся кинжалъ!
О если бъ могъ ты въ эту пору
Потухнуть въ сумракѣ ночномъ,
Налиться кровью — и пятномъ,
Убійцы трепетному взору,
Казаться въ небѣ голубомъ!
Пускай бы зналъ ночной губитель,
Что есть свидѣтель темныхъ дѣлъ,
Что на него съ небесъ глядѣлъ
Неотразимый обвинитель!
Но это сонъ!... Быть можетъ вновь,
И въ эту ночь польется кровь,
Но также ясный, также хладный

И сталь и кровь освѣтишь ты
И на убійцу съ высоты
Уронишь лучъ равно отрадный. . . .

Елена спитъ; ея супругъ
Безъ сна лежитъ на мягкомъ ложѣ,
Ревнивый взоръ его и слухъ
Всю ночь какъ будто на сторожѣ.
Чего онъ ждетъ? Не знаетъ самъ —
Но душу мучитъ подозрѣнье;
Бѣдою всюду, здѣсь и тамъ
Ему грозитъ воображенье; —
И Борскій правъ. — Сей вечеръ онъ
Замѣтилъ странное смущенье
Въ Еленѣ; долго устремленъ
Былъ взоръ ея на мѣсяцъ полный,
Когда онъ шелъ изъ-за Днѣпра
И сыпалъ искры серебра
На отуманенныя волны;
Казалось — въ тягость было ей

Сіянье мѣсячныхъ лучей,
Она горѣла и блѣднѣла,
И озиралася вокругъ,
И на Владиміра глядѣла
Съ какимъ-то страхомъ. Лунный кругъ
Ужъ былъ высоко въ небѣ темномъ,
Когда забылась сномъ она —
Но сонъ не тихъ— сохранена
Въ лицѣ измученномъ и томномъ
Печать тоски, — дрожатъ уста,
Дыханье трепетно и знойно
И сердце бьется безпокойно...
Ахъ! видно страшная мечта
Ее тревожитъ: — такъ! ей снится,
Что сумракъ вечера ложится
На Днѣпръ и рощу — и она
Проходитъ въ рощѣ той одна;
Вдругъ слышитъ голосъ — «онъ! о Боже!
Владиміръ здѣсь! но это кто же?
Она! такъ точно! узнаю

Я въ ней соперницу мою!
И вотъ съ отчаяньемъ къ супругу
Елена бросилась — но онъ,
Внезапнымъ гнѣвомъ распаленъ,
Ея отталкиваетъ руку
И удаляется». —

Луна

Изъ растворенного окна
Теперь блеснула, — свѣтъ бродящій
Упалъ на грудь Елены спящей —
И что же? — вдругъ встаетъ она,
Какъ призракъ, въ сумракѣ проходитъ,
И тихо стала у окна. —
Все видитъ Борскій — онъ не сводитъ
Съ нее дозорливыхъ очей,
Онъ притаился, онъ чуть дышитъ. —
Вотъ слышитъ шопотъ — и яснѣй
Потомъ Елены голосъ слышитъ:
«Мой другъ! постой! постой! побудь
Со мной еще одно мгновенье!

Позволь прижать уста и грудь
Въ послѣдній разъ! — Мое моленье
Ты отвергаешь — ты молчишь!
Жестокій! Стой! Куда бѣжишь?
Я за тобой готова всюду,
Какая бъ ни была страна,
Тебя преслѣдовать я буду!»
И вотъ къ дверямъ бѣжитъ она,
Ключъ щелкнулъ — двери заскрипѣли;
Но, въ изступленьи, вдругъ съ постели
Вскочилъ Владиміръ, — засіялъ
При свѣтѣ мѣсяца кинжалъ
Надъ нимъ висящій — на супругу
Ужасно, дико онъ взглянулъ
И нерѣшительную руку
Какой-то демонъ подстрекнулъ. —
Стой! грянулъ голосъ — стой! не далѣ!
И вотъ сверкнуло лезвее,
И кровь Елены на кинжалѣ —
И рана въ сердцѣ у нее!

*

Но что жъ убійца? Изступленный
Онъ далѣ въ бѣшенствѣ бѣжитъ;
То здѣсь, то тамъ кинжалъ блеститъ,
Въ рукѣ, луною озаренный —
Нѣтъ жертвы болѣ! — Все кругомъ
Объято крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. —
Владиміръ сталъ — блеснули очи —
Не сонъ ли это! мыслитъ онъ
И близъ себя, въ молчаньи ночи,
Болѣзненный онъ слышитъ стонъ...
«Елена!» Нѣтъ! воззванье тщетно!
Ее объемлетъ смертный хладъ,
И на супруга мутный взглядъ
Она возводитъ безотвѣтно; —
Ей мигъ одинъ страдать и жить,
Но отъ супруга хочетъ скрыть
Одолѣвающую муку,
Насильно хочетъ приподнять
Почти безчувственную руку
И рану силится зажать.

Но тщетно — снова опустилась
Рука на землю тяжело —
Обезобразилось чело
И грудь болѣзненно стѣснилась. . . .
А онъ? Убійца! онъ стоитъ,
Недвиженъ взоръ, ужасенъ видъ —
Въ его рукѣ окровавленной
Рука Елены — но она
Уже недвижна и хладна
И костенѣетъ постепенно. . .

ГЛАВА IV.

Есть ветхій домикъ надъ Днѣпромъ,
Онъ съ дѣтства Борскому знакомъ,
И въ немъ живетъ еще понынѣ
Священникъ сельскій; — дряхлъ и сѣдъ
И безъ желаній и безъ бѣдъ
Ведетъ онъ дни въ своей пустынѣ,
И часто молится въ тиши
Онъ о спасеніи души. —
Такъ и теперь: — передъ иконой,
Лампадой тусклой озаренъ,
Въ молчаньи ночи молитъ онъ,

Чтобы святою обороной
Ему Пречистая была,
Чтобъ сонъ на очи навела
И отъ лукавыхъ навожденій
Его главу оберегла.
Молитву кончилъ, — размышленій
Еще святыхъ онъ полонъ — вдругъ
Въ дверяхъ внезапный шумъ и стукъ:
«Вотъ кто-то въ горнія отходитъ» —
Помыслилъ старецъ — и возводитъ
Невольно къ небу грустный взоръ,
Но между тѣмъ гремитъ затворъ,
Дверь растворилась — и кого же
Передъ собой онъ видитъ?
«Боже!
Владиміръ!»
Такъ! предъ нимъ стоялъ
Убійца самъ! Окровавленный, —
Полунагой, въ рукѣ кинжалъ —

Съ лампадой старецъ изумленный
Къ нему...

Борскій.

Прочь! прочь! Не подходи
Ко мнѣ такъ близко! отведи
Несносный свѣтъ — пускай на очи
Падетъ весь мракъ, весь ужасъ ночи,
Я ихъ ищу. —

Священникъ.

Но для чего
Ко мнѣ пришелъ ты?

Борскій.

Одного
Хочу теперь: молись со мною!
Смотри — вотъ кровь! Моей рукою
Она пролита...

Священникъ.

Кровь! О чьей
Душѣ молиться?...

Борскій.

О моей!

Нѣтъ! прежде помолись — объ ней!

Она одна всему виною,

Она....

Священникъ.

Но кто?

Борскій.

Кто! это кровь

Той, за которую любовь

Отца утратилъ я...

Священникъ.

Елена?

Борскій.

Ты знаешь все! Теперь молчи —

Я самъ скажу: ея измѣна

Ужасна! — Слушай: вдругъ въ ночи

Встаетъ она — къ окну подходитъ

И тихо съ кѣмъ-то рѣчь заводитъ —

И вотъ я слышу: «другъ! постой —

Куда бѣжишь? — Я за тобой!»
Сказала — въ это же мгновенье
Она въ дверяхъ... Но гнѣвъ и мщенье
Во мнѣ кипятъ и...

Священникъ.

Своего
Врага ты видѣлъ?...

Борскій.

Никого!
Искалъ я всюду — но напрасно —
Она погибла — но его
Я не видалъ...

Священникъ.

Теперь все ясно!
Ты обманулъ себя ужасно!
Владиміръ! О когда бъ я зналъ,
Я бъ этой тайны не скрывалъ!

Борскій.

Мнѣ тайнъ твоихъ не нужно болѣ!

Измѣна! кровь! вся тайна тутъ —
И вотъ свершенъ небесный судъ.

Священникъ.

Нѣтъ! въ заблужденьи этомъ долѣ
Не будешь ты — твоя жена
Невинна! Знай: — была она —
Лунатикъ и...

Борскій.

Лунатикъ!...

Священникъ.

Знаю —
Ударъ жестокій довершаю —
Но я не лгу — свидѣтель Богъ!...

Разслушать болѣе не могъ
Сихъ словъ Владиміръ; — тщетно кличетъ
Его священникъ; разомъ онъ
Забвеньемъ страшнымъ пораженъ,
Которымъ съ жизнью смерть граничитъ...

Очнулся снова — но въ умѣ,
Какъ путники въ незапной тьмѣ,
Блуждаютъ мысли; онъ не знаетъ,
Что съ нимъ сбылося, будто сонъ
На память все приводитъ онъ —
И все злодѣя убѣждаетъ
Въ его винѣ! . . . И вотъ кинжалъ
Въ рукѣ надъ грудью заблисталъ —
Вдругъ опустилъ онъ снова руку. —
«Нѣтъ! Нѣтъ! воскликнулъ, жизнь па муку
Я сохраню! я долженъ жить!
Я буду жить! . . . Мою супругу
Въ своихъ молитвахъ помяни
Святой отецъ, — похорони
Ее въ той рощѣ». —
Какъ безумной
Тутъ Борскій въ двери — и бѣжитъ, —
Священникъ вслѣдъ ему глядитъ,
И вотъ, при свѣтѣ ночи лунной,
Онъ видитъ — Борскій по полямъ

Бѣжитъ. . . куда? . . . Не знаетъ самъ!
Вотъ на горѣ, – съ горы спустился,
Мелькнулъ — опять — еще — и скрылся. . .

ГЛАВА V.

На волю бурь осеннихъ преданъ,
Дряхлѣетъ Борскихъ древній домъ,
И входъ какъ будто заповѣданъ,
И глухо все и мрачно въ немъ.
Какой-то страхъ оттуда вѣетъ,
Играть вокругъ дитя не смѣетъ,
И поздно вечеромъ, одинъ,
Его обходитъ селянинъ.
И есть могила въ рощѣ темной,
Надъ ней разросся дубъ огромной,

Недвижный, мрачный онъ стоитъ
И прахъ Елены сторожитъ.

Минула осень; хладъ и сонъ
Сковали Днѣпръ; недавно синій,
Сѣрѣетъ въ тучахъ небосклонъ,
И на деревьяхъ брезжетъ иней.
Какъ тихо въ рощѣ! пустота
Вокругъ могилы одинокой,
И снѣгъ занесъ ее глубокой
До перекладины креста;
И тамъ давно никто не встрѣченъ,
Изъ-за Днѣпра прихожихъ нѣтъ,
Но отъ чего-же свѣжій слѣдъ
Тамъ утро каждое замѣченъ?
Кто ночью былъ? Зачѣмъ? — про то
Въ селѣ не вѣдаетъ никто.

Но вотъ однажды, въ тучахъ снѣжныхъ,

Мятель и вьюгу нанесло,
Нагую рощу, съ горъ прибрежныхъ,
Глубоко снѣгомъ замело.
Въ глухую полночь это было —
И съ той поры ни вдоль бреговъ,
Ни межъ деревъ, ни надъ могилой
Ужъ новыхъ не было слѣдовъ.

И, какъ на холмы и дубровы,
Весенній вѣтеръ началъ дуть,
И Днѣпръ опять, возвыся грудь,
Разторгъ ледяныя оковы,
Случайно путники нашли,
Вблизи Елениной могилы,
Замерзшій трупъ; собравши силы,
Руками снѣгъ они сгребли,
И трупъ отрыли, — трудъ напрасный:
Не оживетъ уже несчастный!
И безобразятъ мертвеца
Примѣты страшнаго конца!

О какъ ужасна перемѣна!
Узнать нельзя его въ лицо,
Но вотъ рука — на ней кольцо,
А на кольцѣ слова: Елена. . .

НИЩІЙ.

Occhi piangete, accompagnate il core.

PETRARCA.

НИЩІЙ.

Далеко родина моя!
Ее давно покинулъ я —
Давно!... но душу старика
Томитъ по родинѣ тоска!
О если бъ мнѣ, когда нибудь,
Опять на милую взглянуть!
Еще я помню: горы тамъ,
Снѣга и льдины по горамъ,
Онѣ блестятъ вѣнцемъ златымъ
Подъ небомъ вѣчноголубымъ;

Долинъ и нѣга и краса,
Роскошно зыблются лѣса,
И брызжетъ искрами заливъ
У корней миртовъ и оливъ;
Тамъ — рядъ священныхъ мнѣ могилъ
Широко яворъ осѣнилъ —
И, можетъ быть, въ его тѣни,
И я бы мирно кончилъ дни....

Я?... Нѣтъ! Ничтожныя мечты!
Меня, мой прахъ отринешь ты —
И тихимъ шелестомъ вѣтвей
Не освѣжишь главы моей!
Она горитъ! она въ огнѣ!
И на яву и въ краткомъ снѣ,
Хотя бы одръ мой былъ изъ розъ,
Не избѣжать мнѣ страшныхъ грёзъ!
Вездѣ тоскующая тѣнь
Слѣдитъ за мной и ночь и день; —

Въ дыханьи вѣтра, въ шумѣ водъ,
Она мнѣ голосъ подаетъ —
И слышу я: «Куда? куда? ...
Забудь отчизну навсегда!
Не донести тебѣ костей
Къ горамъ Италіи твоей!
И, безъимянно, самый прахъ
Потонетъ въ Сѣверныхъ снѣгахъ!» ...

Такъ! я заранѣ узнаю
Судьбу грядущую мою!
И я бы снова, можетъ быть,
Хотѣлъ отчизну разлюбить —
Но, какъ по вольности, о ней
Тоска живетъ въ груди моей!
Съ какою жадностью, съ какимъ
Участьемъ нѣжнымъ и живымъ,
Порой прислушиваюсь я
Къ вечерней пѣсни соловья:

Онъ былъ въ Италіи — и мнѣ
Поетъ о милой сторонѣ; —
И этой пѣсни каждый звукъ
Душѣ давно - знакомый другъ!
И, мнится, вновь наводитъ онъ
На душу сладкій, сладкій сонъ
О прошлыхъ дняхъ, когда я жилъ —
Когда мечталъ, — когда любилъ!...

Любилъ!... Зачѣмъ я утаю
Любовь печальную мою?...
Аньола! незабвенный звукъ!
Какъ много думъ, какъ много мукъ
Вновь въ сердцѣ вспыхнуло моемъ
При этомъ имени одномъ!
О если бъ я его забылъ!
О если бъ грудь опустошилъ
Порывъ губительныхъ страстей —
И память самую о ней

Разсѣялъ онъ — какъ брызги водъ
Грозы стремительной полетъ!
О чемъ молю? ... до этихъ поръ,
Сѣдинамъ симъ на перекоръ,
Какъ отголосокъ прежнихъ дней,
Сей звукъ живетъ въ груди моей —
И развѣ съ жизнью будетъ онъ
На вѣкъ изъ сердца извлеченъ!

Какъ я любилъ! — казалось мнѣ,
Тогда я чувствовалъ вдвойнѣ
Всю прелесть жизни, — я постигъ
Какъ Тотъ въ твореніи великъ,
Кто цѣпью вѣчною любви
Сковалъ созданія свои!
Казалось: все вокругъ меня
Блистало заревомъ огня
Любви и вѣчной и святой
И цѣлый міръ, передо мной,

Какъ бы созданье чудныхъ сновъ,
Облекся въ радужный покровъ;
И сердце мнѣ давало вѣсть,
Что въ семъ прекрасномъ мірѣ есть,
Есть сердце полное огня
Любви живой и для меня,
И, что въ цѣпи существъ, оно
Необходимое звѣно!

Тотъ бѣденъ, бѣденъ на земли,
Чьи дни безъ думъ любви текли!
Кто къ людямъ холодомъ дыша,
Не могъ постигнуть, какъ душа
Роднится съ близкою душой,
Тотъ между братьями — чужой!
Съ презрѣньемъ горькимъ ко всему,
Онъ покорилъ себя уму,
И первой страсти пылкій сонъ
Мечтою дѣтской назвалъ онъ.

Порывы сердца заглуша,
Его надменная душа
Въ самой себѣ погребена,
И недоступна и темна:
Такъ, въ Африкѣ, среди степей,
Стоитъ огромный мавзолей
И подъ собой, свою же тѣнь,
Безплодно кроетъ въ жаркій день.

Подъ небомъ пламеннымъ рожденъ,
Я не таковъ! Нѣтъ! охлажденъ
Заранѣ къ людямъ не былъ я;
Всѣ впечатлѣнья бытія
Я принялъ жадно, — и любовь
Мнѣ сильно волновала кровь!
Мнѣ согрѣвала грудь она,
Какъ землю ранняя весна,
И, какъ весенніе цвѣты,
Рождались новыя мечты

О всемъ прекрасномъ, о святомъ
Въ умѣ взволнованномъ моемъ.
Я говорилъ: ее намъ Богъ,
Благъ нашихъ будущихъ въ залогъ,
Еще въ сей жизни даровалъ,
Чтобъ человѣкъ заранѣ зналъ,
Какъ щедро въ вѣчномъ будетъ онъ
За мигъ страданій награжденъ!

Видали ль вы, когда дитя,
Цвѣтокъ на волны опустя,
Съ безпечной радостью глядитъ,
Какъ онъ трепещетъ и скользитъ?
Но, если влагой напоенъ,
На дно внезапно канетъ онъ,
Его малюткѣ станетъ жаль,
И сердца дѣтскаго печаль
Не облегчитъ незрѣлый умъ:
Онъ слышитъ волнъ досадный шумъ,

Онъ ихъ задумчиво слѣдитъ —
И слезы падаютъ съ ланитъ...
Вотъ образъ мой! Мечты мои,
Надежды мира и любви,
Я безразсудно предалъ самъ
На волю гибельнымъ страстямъ,
И необузданный потокъ
Невозвратимо ихъ увлекъ!...

Однажды, праздникомъ весны — 9
Храня обычай старины —
Плясалъ подъ сѣнію деревъ
Кругъ рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
И между нихъ была она,
Моя Аньола! Что весна?
Что пышной радуги цвѣты
Предъ блескомъ дѣвы-красоты?
Утомлена, ко мнѣ на грудь
Она поникла; я дохнуть

Не смѣлъ; не могъ отвесть отъ ней
Я очарованныхъ очей —
И вдругъ руки моей слегка
Коснулась жаркая рука,
Я вспыхнулъ — къ пламеннымъ устамъ
Прижалъ ее, — не помнилъ самъ,
Что дѣлалъ я, кипѣла кровь —
И я ей высказалъ любовь!

Но между тѣмъ, изумлена,
Глядѣла въ очи мнѣ она,
Какъ будто въ грудь ей не проникъ
Любви мучительный языкъ!
Я ждалъ отвѣта... но безъ словъ
Она ушла; — я былъ готовъ
За нею вслѣдъ: у милыхъ ногъ,
Хоть слово бъ вымолить я могъ, —
Но, какъ мечта, въ толпѣ густой
Аньола скрылась... я главой

На грудь стѣсненную поникъ —
О какъ я помню этотъ мигъ!
Впервые на̀ сердце тогда
Запала страшная мечта:
Что жизнь — пучина слезъ и бѣдъ,
Любовь — огонь, а счастья — нѣтъ!...
И слезы съ щекъ моихъ текли
На грудь холодную земли...

Съ тѣхъ поръ, задумчивъ и унылъ,
Отъ всѣхъ я ревностно хранилъ
Мою любовь; никто не зналъ,
О чемъ я втайнѣ тосковалъ;
Бѣжалъ всего, родныхъ, друзей,
И часто, въ сумракѣ ночей,
Тревоги полный, чуждый сну,
Одинъ всходилъ на крутизну;
Не разъ, объятый темнотой,
Гранитъ срывался предо мной,

Но неподвижно я стоялъ,
Какъ бы прикованный у скалъ.
Мнѣ смерть казалась не страшна;
Въ душѣ была мечта одна:
Аньолы имя вторилъ я
И былъ утѣшенъ какъ дитя,
Коль отголосокъ дальнихъ скалъ
Мнѣ милый звукъ передавалъ.

Кто знаетъ пламенную страсть,
Кто надъ собой извѣдалъ власть
Улыбки, взгляда и рѣчей
Младой любовницы своей,
И, грусть безплодную тая,
Не пролилъ слезъ у ногъ ея,
Тотъ много думъ моихъ постигъ —
Но ихъ не выразитъ языкъ!
Онѣ прерывисты какъ сны,
Какъ бездна дики и темны.

Въ слезахъ молилъ напрасно я
Отрады грустной забытья,
Ни днемъ, ни ночью, ни во снѣ
Не могъ забыться я вполнѣ;
Видѣній въ вихрѣ надомной
Носился образъ дорогой —
Съ зарей онъ снова исчезалъ, —
И я безсмысленно рыдалъ.

Но, какъ луны осенней лучъ
Падетъ порою изъ за тучь,
Скалы и льдины серебритъ,
И въ пропасть темную скользитъ:
Такъ заронялась иногда
Надежды вкрадчивой мечта
Въ больную грудь; я былъ готовъ
Лелѣятъ призракъ давнихъ сновъ,
Я мыслилъ: дѣтская душа,
Любовью къ вольности дыша,

Любви иной не поняла —
Еще безпечность ей мила;
Но будетъ время — можетъ быть
Въ ней можно чувство пробудить. . .
Но, какъ луны скользящій лучъ
Мгновенно гаснетъ въ лонѣ тучь,
Такъ навсегда, въ послѣдній разъ,
Надежды огнь во мнѣ погасъ. . . .

Блѣднѣло небо; тѣнь легла;
На Югѣ долго ночь тепла,
И было душно между скалъ:
Какой-то зной отъ нихъ дышалъ.
Но межъ разсѣлистыхъ громадъ,
Гремитъ и блещетъ водопадъ,
Въ пещерѣ сумрачной рожденъ,
И въ жаръ прохладой вѣетъ онъ;
Ему внималъ съ утеса я,
Свѣжо дышала грудь моя,

И не смущали тѣмныхъ думъ
Однообразный гулъ и шумъ.
На льдинахъ гаснулъ отблескъ дня,
Вдругъ тихій шорохъ близъ меня —
Гляжу и что жъ? Не сонъ ли? Нѣтъ!
Она! Аньола! Слабый свѣтъ
На ней едва, едва мелькалъ —
Но я ль Аньолы не узналъ?

И, какъ мертвецъ подъ властью чаръ, 15
Воспрянулъ я; и страхъ и жаръ
Текли по членамъ; я... но вдругъ
Я поцѣлуя слышу звукъ...
Опять... о Боже! и она
Лобзаньямъ чуждымъ предана!
Приникнувъ къ ней, рука съ рукой,
Ее ласкалъ соперникъ мой!
Я вынесть болѣе не могъ:
Какъ демонъ, страшенъ и жестокъ,

Пылая местію слѣпой,
Предъ изумленною четой
Явился я... Мой дикій взглядъ
Окинулъ скалы, водопадъ,
И, какъ безсильное дитя,
Врага внезапно обхватя,
Прижалъ къ груди — и со скалы
Его я бросилъ въ бездну мглы!

И нѣтъ его! затихнулъ гулъ;
Я въ пропасть дико заглянулъ,
Во мглѣ не видно ничего!
Но вдругъ до слуха моего
Доходитъ крикъ... онъ мнѣ знакомъ!
То голосъ брата! — Если бъ громъ
Съ небесъ разгнѣванныхъ упалъ,
И подъ развалинами скалъ
Братоубійцу онъ погребъ, —
Чтобъ бездна приняла, какъ гробъ,

Мою главу... чтобъ въ Судный день
Моя испуганная тѣнь
Укрылась въ сумракѣ земли —
Чтобъ мнѣ на сердце налегли
Громады горъ, — но громъ молчалъ!
Лишь братній вопль не умолкалъ....
И въ онѣмѣніи, какъ трупъ,
Я палъ на каменный уступъ!...

Минула ночь — и мутный взоръ
Открылъ я вновь; по темю горъ
Свѣтились льдины какъ стекло,
Ихъ солнце раннее зажгло.
Вдали, на зелени полянъ,
Роса сверкала сквозь туманъ,
И сквозь туманы, въ сторонѣ,
Сіяла въ утреннемъ огнѣ,
Какъ бы серебряный коверъ,
Поверхность ясная озеръ.

И здѣсь и тамъ, любви пріютъ,
Склонились рощи, будто ждутъ,
Чтобъ мановеньемъ легкихъ крылъ
Ихъ вѣтеръ утра освѣжилъ;
И вѣтеръ дунулъ на лѣса
И вольныхъ птичекъ голоса,
И шумъ деревъ и звонъ рожка
Ко мнѣ принесъ издалека.

Въ благоговѣніи нѣмомъ,
Какъ бы объятый чуткимъ сномъ,
Еще стоялъ я, — вдругъ въ умѣ,
Какъ искра вспыхнувшая въ тмѣ
Блеснула мысль: Аньола!... Братъ!...
То сонъ иль нѣтъ?... Тревожный взглядъ
Бросаю всюду: пустота!
Такъ это сонъ! одна мечта!
Не въ первый разъ такіе сны
Моей тоской наведены! —

Но страхъ опять меня объялъ,
Казалось, будто услыхалъ
Я братній голосъ — бѣглый взглядъ
Случайно палъ на водопадъ,
И что же? Брата епанча
У ската горнаго ключа,
Полой вцѣпившись о гранитъ,
По вѣтру вьется и шумитъ!

И, какъ безумный, долго я
Очей недвижныхъ не сводя,
Стоялъ надъ бездной; стыла кровь,
Хладѣла грудь; но младость вновь
Спасла мнѣ жизнь — и я опять
Стѣсненной грудью могъ дышать!...
Какъ разсказать, что въ этотъ мигъ
Сбылось со мною? Кто постигъ
Тотъ страхъ, которымъ пораженъ
Злодѣй, когда изобличенъ

Въ своей винѣ, и для него
Нѣтъ въ оправданье ничего —
Лишь тотъ постигъ бы, что со мной
Сбылося въ мигъ сей роковой!
И страшнымъ замысломъ моя
Душа смутилась: въ пропасть я
Съ размаха броситься готовъ —
Вдругъ — слышу звонъ колоколовъ . . .

По сердцу холодъ пробѣжалъ,
Я всѣми членами дрожалъ, —
Но все звучнѣй колокола:
И робость душу объяла
Невольно; грознаго Суда
Ихъ звонъ предвѣстникомъ тогда
Казался мнѣ. Замолкнулъ онъ —
Но мыслью страшной пораженъ,
Уже не смѣлъ рѣшиться я,
Сорвать оковы бытія!

И съ горъ, извилистой тропой,
Схожу въ раздумьи: предо мной
Открылись долы и поля;
Улыбкой дружеской земля
Встрѣчала солнце — и свѣтло,
Какъ Царь, оно по небу шло,
И снѣгъ подъ нимъ на темѣ скалъ,
Какъ бархатъ пурпурный сіялъ.

И

И слышны вновь колокола:
Не знаю, вѣра ли вела
Мои шаги, иль случай былъ,
Но я ужъ къ рощѣ подходилъ,
Гдѣ межъ деревъ, ея краса,
Былъ сельскій храмъ. Вдругъ голоса
Вблизи услышалъ я, и спалъ:
Аньолы голосъ я узналъ!
Она рыдала — но яснѣй
Рыданья матери моей

Неслись ко мнѣ; — и что очамъ
Тогда явилось? Въ Божій храмъ
Тѣснились люди съ двухъ сторонъ,
И межъ толпою дѣвъ и женъ
Не могъ я скоро распознать
Мою рыдающую мать;
Но мнѣ былъ слышенъ вопль ея,
И къ ней рвалась душа моя!

И вдругъ раздвинулась толпа,
Гляжу: приникнувъ у столпа,
Какъ полумертвая, она
Стоитъ недвижна и блѣдна;
И на колѣнахъ подлѣ ней,
Еще безжизненнѣй, блѣднѣй
Аньола! . . . Сжалась грудь моя!
И вотъ въ толпу врываюсь я;
Ужъ подлѣ нихъ; и вдругъ стою —
Я вижу трупъ; я узнаю

Въ чертахъ недвижныхъ мертвеца,
Черты знакомаго лица —
То братъ! къ нему . . . зову его . . .
Не слышитъ зову моего!
Устамъ коснулся — хладъ могилъ
Отъ нихъ повѣялъ, — я безъ силъ
Съ ступеней палъ. . . и у крыльца
Лежалъ мертвецъ близъ мертвеца!

Очнулся я — вокругъ гляжу:
Темно вездѣ; и я сижу
На чемъ-то жесткомъ, и рука
Мнѣ крѣпко сжата; — я слегка
Ее приподнялъ. . . тяжела!
Хочу привстать — и замерла
Душа отъ страха: цѣпи звукъ
Внезапно слышу я вокругъ!
Впередъ напрасно рвуся я —
Она къ стѣнѣ влечетъ меня!

Зловѣщій звукъ мнѣ все сказалъ:
Но долго я не понималъ,
Когда и кѣмъ перенесенъ
Я былъ въ тюрьму; — вдругъ тихій стонъ
Услышалъ я; казалось мнѣ,
Онъ сквозь отверзтіе въ стѣнѣ
Проникъ въ тюрьму ... я трепеталъ...
Знакомый голосъ я узналъ:

«О не отринь мольбы моей!
«Я здѣсь умру! Я отъ дверей
«Не отойду! — хотъ разъ одинъ
«Пускай еще обниметъ сынъ
«Свою тоскующую мать!
«Возьми: вотъ злато! все отдать
«Тебѣ готова!» ... И теперь
Визжитъ заржавленная дверь,
И мракъ темницы озаря,
Внезапно свѣтомъ фонаря,

Тюремщикъ входитъ; съ крикомъ вслѣдъ
Вбѣгаетъ мать — я къ ней! ... но нѣтъ
Уже на грудь мою, въ слезахъ,
Она упала, и въ очахъ
Потухла жизнь; но слышалъ я,
Какъ сильно билась грудь ея;
И я горѣлъ, и я дрожалъ,
И какъ ребенокъ зарыдалъ.

Склонясь челомъ, недвиженъ, нѣмъ,
Я долго плакалъ; между тѣмъ
Она опомнилась опять,
Хотѣла что-то мнѣ сказать;
Но я, собравъ остатокъ силъ,
Ея слова предупредилъ:
«Не проклинай меня! постой!
«Укоръ мнѣ смертью будетъ твой!
«Но я хочу, я долженъ жить,
«Чтобы слезами искупить

«Мою вину!» — «Не проклинать
Къ тебѣ въ тюрьму приходитъ мать!
Преступенъ ты — но ты мнѣ сынъ!
Тебѣ Судья Господь одинъ!
И строго не осудитъ онъ,
Какъ осудилъ земный законъ —
Его умолятъ за тебя
И брата тѣнь — и тѣнь ея»...

«Чья тѣнь? Отвѣтствуй!» я вскричалъ.
Увы! я сердцемъ угадалъ,
Что мнѣ еще ударъ одинъ
Судьба готовила. «Мой сынъ,
Сказала мать, давно съ тобой
Разсталась я; еще больной,
Безъ памяти, безъ чувствъ ты былъ,
И самъ себя изобличилъ
Въ своей винѣ — и тщетно мать
Ее хотѣла оправдать:

Мнѣ сына слезы не спасли!
Полуживаго увлекли
Тебя отъ матери твоей
Сюда! . . . Минуло много дней
И, неотступная какъ тѣнь,
Я здѣсь у двери каждый день,
Но дверь, какъ камень гробовой,
Была недвижна предо мной! »

«Но что жъ Аньола? » . . . « День отъ дня
Какъ нѣжный миртъ главу клоня,
Когда у корня втайнѣ онъ
Весеннимъ червемъ поврежденъ,
Въ тѣ дни, какъ все весна живитъ,
Одинъ безжизненный стоитъ,
Его не грѣютъ небеса,
И не свѣжитъ его роса: —
Такъ и Аньола! День и ночь
Она томилась; превозмочь

Ея печали не могли
Родныя ласки; на земли
Ей было грустно; въ міръ иной
Перенеслась она душой;
И *тамъ* опять того нашла,
Кого *здѣсь* другомъ назвала.
Землѣ, какъ выдохшійся цвѣтъ,
Достался трупъ, — небесной нѣтъ!»

Умолкла мать; и я молчалъ,
Укоръ преступника терзалъ;
Но я слезы не уронилъ,
Молитву тихую творилъ,
Какъ о страдалицѣ, о ней
Я въ глубинѣ души моей.
Мнѣ легче стало: тишиной
Душа исполнилась святой;
И сладко было вѣрить мнѣ,
Что тамъ, въ надзвѣздной сторонѣ,

Гдѣ безграничнѣй и святѣй
Любовь и жизнь, гдѣ нѣтъ страстей,
Нѣтъ мукъ и слезъ — она и братъ
Въ вѣнцахъ безсмертія блестятъ! . . .
Но между тѣмъ свиданья часъ
Прошелъ, мой стражъ разторгнулъ насъ,
Уходитъ мать, гремитъ замокъ —
И я остался одинокъ.

Тянулись грустно дни; порой,
Мой стражъ рукою подкупной,
Темницу тайно растворялъ:
Я видѣлъ мать — и забывалъ
О горькой участи моей;
Темница самая при ней,
Не такъ мрачна казалась мнѣ:
Текли бесѣды въ тишинѣ;
И на закатѣ позднихъ лѣтъ
Не позабыть мнѣ тѣхъ бесѣдъ!

Лишь ими жилъ я, ихъ я ждалъ,
И жизнь еще благословлялъ!
Но, помню, горестнѣй, труднѣй,
Однажды съ матерью моей
Разстался я, какъ будто зналъ,
Что я навѣкъ ее терялъ,
Что и за гробомъ, можетъ быть,
Мы съ нею розно будемъ жить!...

И то пророчество души
Сбылось давно; въ моей тиши
Я ждалъ ее: она не шла!
Но, окриленна и свѣтла,
Еще однажды, въ вѣщемъ снѣ,
Какъ Духъ, она явилась мнѣ.
Съ тѣхъ поръ никто не навѣстилъ
Моей тюрьмы; я дни влачилъ
Какъ тяжкій сонъ; и много лѣтъ
Прошло; казалось, цѣлый свѣтъ

Страдальца-узника забылъ;
Мнѣ хлѣбъ и воду приносилъ
Все тотъ же стражъ — и отъ него
Не ждалъ я больше ничего!
Въ моей темницѣ я не зналъ,
Была ли ночь иль день сіялъ,
Мнѣ все равно, какъ будто я
И не видалъ свѣтила дня!

Шли за годами годы вслѣдъ; 31
Однообразныхъ много лѣтъ
Еще провелъ я; и во снѣ
О вольности не снилось мнѣ!
А между тѣмъ мой край родной
Опустошительной войной
Кипѣлъ вездѣ: Наполеонъ
Писалъ Италіи законъ
И волновались въ ней умы; —
Какъ мертвый, въ сумракѣ тюрьмы,

Я ничего не зналъ... но вотъ
Однажды, слышу я, падетъ
Затворъ съ дверей моихъ, потомъ
Блеснули факелы; кругомъ
Толпятся люди; въ ихъ рукахъ
Сверкаютъ ружья... тайный страхъ
Стѣснилъ мнѣ грудь; я трепеталъ —
Хотя какъ блага смерти ждалъ!...

Но не на казнь меня влекли:
Иноплеменники пришли
Свободу узнику отдать;
Зачѣмъ? и кто? Мнѣ нужно ль знать!
Одно я знаю: можетъ быть,
Мой долгъ того благословить,
Съ кѣмъ, на свободѣ, каждый шагъ
Я бы оспоривалъ какъ врагъ!...
Ведутъ меня: вдругъ свѣтъ дневной
На очи хлынулъ мнѣ волной!

Я былъ недвиженъ, ослѣпленъ,
Казалось мнѣ, со всѣхъ сторонъ,
Въ потокахъ яркаго огня,
Клубились солнцы вкругъ меня;
Но вѣтеръ грудь мнѣ освѣжалъ,
И быстро, жадно я дышалъ,
И, съ каждымъ вздохомъ, къ жизни вновь
Тѣснилась въ грудь мою любовь!...

Но что мнѣ въ жизни? И къ чему
Открылись взору моему,
Громады горъ и долъ и лѣсъ
И сводъ безоблачныхъ небесъ?
Меня тревожила мечта,
Что я въ семъ мірѣ сирота!
И что, быть можетъ, на земли
Два поколѣнья перешли,
Съ тѣхъ поръ, какъ я, мертвецъ живой,
Дни велъ безъ счета подъ землей...

Земля богата, велика,
Но мнѣ на ней — ни уголка!
Кого искать? Куда пойду?
Въ комъ утѣшителя найду?
Я только радъ былъ одному:
Быть можетъ, въ отческомъ дому
Еще, какъ нѣкогда, пріютъ
Сѣдины сирыя найдутъ.

И вотъ пришелъ я въ отчій домъ;
Онъ обветшалъ; зеленымъ мхомъ
Одѣлась кровля по краямъ,
Лишь виноградникъ здѣсь и тамъ
Еще вился, какъ будто онъ
Одинъ годами пощаженъ.
И умиленьемъ и тоской
Я былъ проникнутъ, и ногой
Вступаю робкой на крыльцо...
Вдругъ незнакомое лицо

На встрѣчу мнѣ; хочу назадъ —
Но мнѣ, я слышу, говорятъ:
«Постой! возьми себѣ старикъ!»
Даютъ мнѣ — хлѣбъ! я взялъ — и вмигъ
Его я судорожно сжалъ:
Мнѣ хлѣбъ такъ горекъ не бывалъ!
Слезами жаркими омытъ
Хлѣбъ поданья ядовитъ!

И край прекрасный, край родной, 35
Мнѣ сталъ печаленъ какъ чужой,
И только сердцу дорогъ былъ
Святыней горестной могилъ!
Я къ нимъ пришелъ: уже кресты
Полураспались; но кусты
Живыми розами цвѣли,
Надъ влажнымъ лономъ той земли,
Гдѣ былъ зарытъ Аньолы прахъ;
Мечта ль была? но въ ихъ листахъ

Мнѣ вѣялъ духъ не здѣшнихъ розъ;
Казалось, Ангелъ перенесъ
Изъ рая ихъ — и не роса —
На нихъ горитъ его слеза!
Надъ братомъ темный кипарисъ
Надгробной зеленью повисъ,
И былъ онъ къ розамъ наклоненъ,
И запахъ розы принялъ онъ.

Могилу матери моей,
Густою сѣнію вѣтвей,
Роскошно яворъ осѣнялъ;
Онъ вѣтви къ брату простиралъ —
И мнѣ казалось: эта мать
Хотѣла милаго обнять!
О для чего жъ главу мою
Не принялъ ты подъ сѣнь твою!
Помыслилъ я — и тяжело
Мнѣ стало вдругъ; склонивъ чело,

Я къ гробу матери припалъ,
И жарко, жарко лобызалъ
Сырую землю — но она
Казалась вдвое холодна!
О если бъ землю ту пробить
Я могъ слезами, можетъ быть,
Онѣ бъ какъ пламя потекли,
И въ самомъ прахѣ жизнь зажгли!

Тоской безплодной утомленъ,
Я сѣлъ на камнѣ; чудный сонъ
Меня внезапно посѣтилъ:
(Не знаю, сонъ-ли это былъ);
Но видѣлъ я: рука съ рукой,
Вились три тѣни надо мной,
Полунеясны, какъ мечты,
Но мнѣ знакомы ихъ черты:
Преображенныхъ могъ узнать
Аньолу, брата я и мать.

И я услышалъ голосъ ихъ,
Онъ сладкозвученъ былъ и тихъ,
Но приговоръ изрекъ онъ мнѣ,
Чтобъ ихъ могилы въ тишинѣ
Навѣкъ покинулъ я, и вдаль
Понесъ души моей печаль;
Чтобъ и слеза моя одна,
Не потревожила ихъ сна....

И чту я свято приговоръ:
Моей Италіи съ тѣхъ поръ
Я не видалъ; убогъ и сиръ,
Я обхожу печальный міръ.
Порою тучныя поля
Объемлю жаднымъ взоромъ я
И мыслю: если бъ хоть одно
Здѣсь было и мое зерно!
Чужое все! весь міръ чужой!
И часто, часто хлѣбъ дневной

Себѣ я вымолить не могъ;
И я душою изнемогъ
Подъ бремемъ тяжкаго креста:
Презрѣнье, скорбь и нищета
Въ одинъ удѣлъ достались мнѣ,
Нѣтъ крова грустной сѣдинѣ,
И нагло шлетъ насмѣшку ей
Толпа безсмысленныхъ дѣтей!...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Цѣна за двѣ части 10 *руб. Ассиг.*